

DOI: 10.31857/S013038640011367-1

© 2020 г. Н. К. КАПИТОНОВА

НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЙ БОРИС ДЖОНСОН

Капитонова Наталия Кирилловна — доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (Москва, Россия).

E-mail: nkapitonova@mail.ru

Researcher ID: AAT- 2634-2020

Аннотация. Очерк посвящен жизни самого яркого и харизматичного современного британского политика, ставшего премьер-министром - Бориса Джонсона. Его жизнеописание представлено в широком контексте истории и внешней политики Великобритании конца XX — первой четверти XXI в. Оно охватывает годы учебы Джонсона в элитарных учебных заведениях — Итоне и Оксфорде, работу — журналистом в Брюсселе, а затем главным редактором еженедельника «Спектейтор», парламентскую деятельность, а также достижения и провалы на посту мэра Лондона. Особое внимание уделено роли Джонсона в подготовке и осуществлении Брекзита, главным архитектором которого его по праву можно назвать. Еще работая корреспондентом в Брюсселе, Джонсон сделал себе имя, высмеивая евробюрократию. Культивируя евроскептицизм, он руководствовался желанием прославиться, позже — карьерными соображениями: заработанный им имидж одного из главных евроскептиков помог Борису, ставшему лидером кампании за выход страны из Евросоюза, склонить британцев к голосованию за Брекзит. При этом он все же не особо рассчитывал на победу, рассматривая кампанию за выход скорее как средство вплотную приблизиться к желанному посту премьер-министра. Но в это же Джонсону пришлось еще поработать во главе Форин офис, однако его деятельность в качестве министра иностранных дел была скорее провальной, чем успешной. Став в июле 2019 г. премьер-министром, он осуществил выход Великобритании из Евросоюза.

Ключевые слова: Б. Джонсон, Великобритания, Брекзит, Консервативная партия Великобритании, евроскептицизм, популизм, Европейский союз.

N. K. Kapitonova

The unpredictable Boris Johnson

Natalia Kapitonova, The Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia).

E-mail: nkapitonova@mail.ru

Researcher ID: AAT-2634-2020

Abstract. This study follows the life of the brightest and most charismatic politician in contemporary Britain, Boris Johnson — who went on to become Prime Minister. His life has been preserved in a wide background of British history and foreign policy in the end of 20th - the beginning of the 21st century. It conveys a story of the years of education at the most prestigious educational institutions — Eton and Oxford, his work as a correspondent of “The Daily Telegraph” in Brussels, which made him famous in Britain and Europe, and after which he returned to London to become the editor of “The Spectator”. It also covers his parliamentary success, his achievements as well as his failures in the position of Mayor

of London for which he was elected twice. However the most emphasis is placed upon Johnson's vital role in the preparation and execution of Brexit due to his undoubtedly essential part in it as an architect and visionary. While working as a correspondent in Brussels Johnson made a name for himself by ridiculing European bureaucracy. By promulgating European skepticism he was at first fulfilling his desire to achieve fame, however later on this was used to thrust him up the career ladder. His achievement of becoming one of the main leaders of the European skepticism bore fruits in the way of not only becoming the leader of the Brexit campaign but also swaying British citizens towards voting in favor of leaving the EU. However, it could be said that he was not certain of winning and was most likely using the campaign to edge him further towards becoming Prime Minister. Before taking the final step towards his goal of leading his country he had to work as the head of the Foreign Office, however this experience is deemed to be more of a failure than a success. Once achieving the role of Prime Minister in July 2019 Boris personally advised and helped the completion of Brexit and Britain's leaving the European Union.

Keywords: Borish Johnson, United Kingdom, Brexit, Conservative Party, Prime Minister, euro-scepticism, populism, European Union.

Необычный сборник под названием «Премьер-министр Борис и другое, что никогда не случилось»¹ появился в Великобритании в 2011 г. Его авторы попытались представить, что было бы, если бы история имела сослагательное наклонение, например, если бы страна никогда не вступила в Евросоюз, если бы Маргарет Тэтчер договорилась с шахтерами, если бы «путч» против М. Горбачева удался, если бы Великобритания не вторглась в Ирак и т.д. Весьма забавной и невероятной посчитали ситуацию избрания тогдашнего мэра Лондона Бориса Джонсона британским премьер-министром – не случайно именно эта фантазия была вынесена в заголовок. Автор статьи о Борисе С. Макрори приводит примерный сценарий того, как такое могло бы случиться: выход из коалиционного правительства заместителя Д. Кэмерона Н. Клефта, а вслед за ним отставка самого премьера делает лидером тори мэра Лондона Бориса Джонсона, который подтверждает свое избрание победой на всеобщих выборах. Именно такое невероятное, по мнению автора, стечение обстоятельств могло бы вознести Джонсона на вершину власти.

Прошло каких-то восемь лет, и забавная фантазия воплотилась в жизнь: 24 июля 2019 г. самый яркий и эпатажный современный британский политик, 55-летний Борис Джонсон стал премьер-министром. Для этого Клефту достаточно было с треском провалиться на всеобщих выборах 2015 г., Кэмерону – проиграть референдум по Брекзиту, а мэру Лондона, прежде чем стать лидером тори и премьер-министром, еще и потрудиться главой Форин офис в правительстве Терезы Мэй.

Каких только эпитетов не удостоивался Борис Джонсон! Чудаковатый, некомпетентный, непредсказуемый, высокомерный, распутный, самобытный разрушитель стереотипов, рисковый политик, способный на самостоятельные и нестандартные решения, действующий на контрасте с рафинированными политиками, меняющий взгляды чаще, чем одежду, чрезвычайно умный и амбициозный. Его называют «помпезным и самовлюбленным, с непредсказуемой личной жизнью»² «сексуальным авантюристом», «виртуозом непостоянства»³, «апробированным лжецом»⁴, «политиком-рок-звездой, живущим по другим правилам»⁵, «фундаментально бесчестным», ненадежным («если в чем-то можно быть уверенным, то в том, что Борис всегда подведет»⁶), «самым успешным

¹ Prime Minister Boris and other things that never happened. Ed. by D. Brack & I. Dale Lndon, 2011.

² The New York Times, 29.VI.2019.

³ The Guardian, 21.VI.2019.

⁴ MacShane D. Brexit. How Britain Will Leave Europe. London, 2015, p. 174.

⁵ Oliver C. Unleashing Demons. The Inside Story of Brexit. London, 2017, p. 396.

⁶ Purnell S. Just Boris. A Tale of Blond Ambition. London, 2012, p. 197.

обманщиком в британской политической жизни»⁷, «человеком замечательных талантов, обремененным отсутствием совести, принципов и стыда»⁸, а также «двуличным негодяем и шарлатаном», но такими, как отозвался о Борисе его бывший шеф Конрад Блэк, были многие великие лидеры⁹.

И все же какого еще британского политика знают в Европе и мире по имени? Кто может парализовать работу торгового центра, просто зайдя в него? Кто вызывает у аудитории положительные эмоции одним своим присутствием, даже не начав говорить? О лучшем шоумене своего поколения уже написано много книг. Одну из своих биографий, многократно переизданную книгу Э. Гимсона¹⁰, Борис назвал полной чепухой. Это стало лучшей ее рекламой: биография разлетелась мгновенно.

К нынешней вершине Александр Борис де Фелл Джонсон, можно сказать, шел с детства, когда задумал стать «королем мира» или, на худой конец, президентом США. Он родился 19 июня 1964 г. в Нью-Йорке в семье студентов-британцев. Его отец Стэнли Джонсон стал литератором, еврочиновником и евродепутатом. Мать, Шарлотта Джонсон (в девичестве Фосет), художница, тоже была депутатом Европарламента. Родословная Джонсона необычна, учитывая его турецкие, российские, еврейские и немецкие корни. Прадед по отцовской линии, блестящий турецкий журналист и поэт, англофил Али Кемаль, ставший политиком, был последним министром внутренних дел Османской империи, противником националистов во главе с Кемалем Ататюрком. Когда в 1922 г. они пришли к власти, объявленный предателем прадед Бориса был похищен, перевезен из столицы в Измир и отдан на растерзание толпы. Турецкие корни активного сторонника вступления Турции в Евросоюз Джонсона не помешали ему в ходе кампании за Брекзит запугивать британцев небылицей о скором прибытии в страну 77 млн турок, а также выиграть конкурс на самые оскорбительные стихи о президенте Эрдогане. Прабабушка Бориса — наполовину англичанка, наполовину швейцарка, родившая сына Османа, деда Джонсона, вскоре после родов умерла, и его воспитывала в Британии бабушка. Осман взял себе другое имя — Уилфред Джонсон, а со своим отцом так никогда и не увиделся.

Бабушка Бориса — наполовину англичанка, наполовину француженка, внучка барона из Версаля Хуберта де Фелл. Как выяснила в 2008 г. Би-би-си, по материнской линии Борис связан с принцем Вюртембергским, тот, в свою очередь, — с английским королем Георгом II (Ганноверская династия). По некоторым подсчетам он является восьмьюродным братом Дэвида Кэмерона, потомка Вильгельма IV. Прадед по линии матери, оруженец Литвы, которая тогда входила в состав Российской империи, уехал в Америку, где стал известным ученым-палеографом, профессором Принстонского университета; бабушка — американка, переводчица художественной прозы с немецкого языка, в частности, Томаса Манна¹¹. В роду у Бориса также известная суфражистка.

Борисом Джонсона назвали в честь друга семьи, эмигранта из России Бориса Литвина, с которым его родители познакомились во время поездки в Мексику. Но в семье он вовсе не Борис, а Ал (сокращенное от Алекс). Копна светлых волос, которая стала визитной карточкой Бориса, придавая ему «арийский вид»¹², была унаследована от прапрадеда — выходца из северо-западной Анатолии, где проживает довольно много блондинов. Прапрабабушка Джонсона — черкешенка-невольница, бежавшая из России в Османскую империю во время Кавказской войны.

⁷ The Guardian, 29.IX.2019.

⁸ The Associated Press, 20.VI.2019.

⁹ The Evening Standard, 23.V.2019.

¹⁰ *Gimson A.* Boris. The Adventures of Boris Johnson. London, 2016.

¹¹ *Ibid.*, p. 13.

¹² *Berens J.* Being Boris Johnson // *Tatler*, 21.XI.2019.

В ИТОНЕ И ОКСФОРДЕ

До восьми лет Борис был глухим, ему пришлось пережить несколько операций. Это способствовало формированию сильного характера. В многодетной и дружной семье Стэнли Джонсона была очень соревновательная среда: все четверо детей стремились быть отличниками. Неудивительно, что Борис учился в Итоне, потом – в Оксфордском университете, в элитных заведениях учились также младшие братья Джонсона и его сестра, все сделали карьеру в журналистике. Джонсоны всегда держались вместе, а Борис считается лидером и опорой семьи, хотя его взгляды на Брексит домашние не разделяют. У него самого тоже четверо детей во втором браке и двое внебрачных (последний из них родился у нынешней подруги Бориса Кэрри Симондс в конце апреля 2020 г.).

К разочарованию тех, кто считает Джонсона дурачком, следует отметить, что тяга к знаниям и необыкновенная способность их усваивать проявились у него еще в детстве, когда любимым занятием стало чтение. Получив королевскую стипендию на обучение в Итоне, где тогда основательно изучали классические дисциплины, он стал одним из лучших учеников школы по древней философии и истории, греческой и романской литературе. Учителя, пораженные скоростью, с которой Борис усваивал материал, его «потрясающей интеллектуальной и физической энергией»¹³, считали его самым умным и способным учеником Итона, прекрасным оратором. Джонсон – 20-й выпускник королевской школы, ставший премьер-министром. Бориса хорошо запомнили все, кто с ним когда-либо пересекался. Он был лидером, звездой школы, ее Капитаном¹⁴, одним из лучших игроков в регби, возглавлял школьную команду в Итонский пристенок¹⁵. Уже тогда все называли Джонсона по имени, которое он, следуя примеру деда, для себя выбрал – не Александр, а Борис – необычное и запоминающееся. Попав в общество аристократов (его лучшим другом стал брат принцессы Дианы Чарльз Спенсер), Борис вошел в итонский Поп-клуб¹⁶, членами которого являлись самые спортивные, талантливые и богатые ученики школы, впрочем, последнее к нему не относилось.

Независимый, неспособный подчиняться дисциплине, Борис не любил готовиться к занятиям, делая все в последнюю минуту и полагаясь на свою поразительную память. К тому же он всегда и везде опаздывал. Впоследствии одним из самых вопиющих случаев стало 45-минутное опоздание на интервью, которое молодой корреспондент Джонсон должен был взять у видного консервативного деятеля, министра обороны М. Портилло, – Борис стремился интервьюировать только самых знаменитых. Он также позволял себе опаздывать на встречи с принцем Чарльзом.

В школьные годы, решив связать свою жизнь с рок-музыкой, Борис стал брать уроки игры на фортепиано и быстро добился успеха. Он любил осваивать что-то настоящему трудное. Как считает один из биографов, «с его замечательной энергией, амбициями и талантами он мог бы преуспеть в любой профессии»¹⁷.

Родители Бориса развелись, когда ему было 14 лет. Именно тогда он придумал для себя шутовскую маску невозмутимого эксцентрика, этакого Берти Вустера¹⁸, которая помогла ему пережить этот тяжелый период. Тем более что новый образ пришелся по душе не только ему, но и всем окружающим. Свою маску он использовал «как дымовую

¹³ *Gimson A.* Op. cit., p. 27, 50.

¹⁴ Этим званием награждают главного в колледже.

¹⁵ Специфическая итонская командная игра.

¹⁶ Аналог Буллингдонского клуба в Оксфордском университете, созданный с разрешения властей.

¹⁷ *Gimson A.* Op. cit., p. LIX.

¹⁸ Молодой аристократ-бездельник, представитель «золотой молодежи» – известный персонаж П. Г. Вудхауза из его знаменитого цикла комических романов.

завесу, чтобы обезоруживать людей»¹⁹. Нелепый вид стал визитной карточкой Джонсона, а умение рассмешить и самоирония сделали его необыкновенно популярным. Наблюдая Бориса в дебатах, однокашники и их родители отмечали его несомненную харизму.

По окончании Итона прямая дорога привела талантливого и амбициозного молодого человека в колыбель британского правящего класса – Оксфордский университет, где Джонсон выиграл стипендию основанного еще в 1263 г. колледжа Бэллиол. Правда, одновременно он получил щедрое предложение из Гарварда, и кто знает – отправиться Борис учиться в Бостон, возможно, впоследствии он мог бы стать президентом Соединенных Штатов (от американского гражданства он отказался только в начале 2017 г.). В Оксфордском университете учились многие известные британские деятели – Г. Асквит, Дж. Керзон, Г. Макмиллан, Э. Хит, из современников – М. Гоув, У. Хейг, Д. Кэмерон, Дж. Хант, лейбористы Э. и Д. Милибенды и другие. Как правило, а особенно в период правления М. Тэтчер, подавляющее большинство преподавателей и студентов британских университетов, включая Оксфорд и Кембридж, придерживались левых (если не сказать крайне левых) взглядов, поэтому многих однокашников Бориса поразил его отказ сдать деньги на поддержку бастующих шахтеров, которых он сравнил с луддитами²⁰. Однако свои консервативные взгляды Джонсон предпочитал не демонстрировать.

Университетская звезда, Борис сильно выделялся на фоне стремившихся выглядеть респектабельно студентов не только своей прической – торчащими в разные стороны соломенными волосами, которые он сознательно взъерошивал («как будто засунул пальцы в электрическую розетку»²¹), но и оригинальной манерой одеваться: вытянутые на коленях брюки, обтрепанный просторный пиджак, торчащий из-под него конец рубашки, никаких футболок, джинсов и кроссовок. Нарочитой небрежностью в одежде этот шоумен, любил поражать публику и позже, в годы работы корреспондентом «Дэйли Телеграф» в Брюсселе. Твидовый пиджак он практически не снимал, даже катался в нем на лыжах в горах, что придавало эксцентричности его образу. Вряд ли Борис хотел походить на джентльмена эдвардианской эпохи, ведь карман на пиджаке был неизменно надорван, просто им руководило желание выделиться, стать заметным. Над ним подшучивали любя, потому что Джонсон был хорошо воспитан, безобиден, добродушен и умел, как никто, поднять настроение. По мнению многих однокурсников, рано проявившаяся способность вести за собой выдавала в нем будущего премьер-министра, а «под шапкой белых волос и лицом школьника находился фантастический интеллект и огромные амбиции»²².

Все, кто соприкасался с Борисом, говорили о нем как об очень умном, классически образованном парне, который знает, чего хочет. Джонсон был в хороших отношениях со всеми, но самыми близкими его друзьями на всю жизнь остались итонцы – упоминавшийся Чарльз Спенсер и Дариус Гуппи, наполовину иранец, личность с авантюрными наклонностями, вызывавшая у школьных учителей споры о том, как быстро он окажется в тюрьме. (Так и случилось: впоследствии Гуппи посадили на пять лет за махинации со страховкой, но подозреваемый в расчетливости Джонсон, вопреки ожиданиям, не отвернулся от школьного друга). Аналогично своему кумиру У. Черчиллю, о котором он в 2014 г. написал увлекательную книгу²³, Борис окружал себя такими же необычными людьми, как он сам.

¹⁹ Purnell S. Op. cit., p. 245.

²⁰ Луддиты – участники стихийных протестов против внедрения машин в ходе промышленной революции в Англии в первой четверти XIX в.

²¹ Oliver C. Op. cit., p. 84.

²² Gimson A. Op. cit., p. 145.

²³ Джонсон Б. Фактор Черчилля. Как один человек изменил историю. М., 2015.

Во время учебы в университете он вступил в члены скандального Буллингдонского клуба²⁴, печально известного пьяными дебошами и демонстрацией богатства. Впоследствии Джонсон даже хвастался, что однажды провел ночь в полицейском участке, но это не подтверждается. Борис нечасто посещал заседания клуба. К тому же, в отличие от других, он не курил и не напивался — просто не любил терять контроль над собой. Впоследствии, когда требовалось оправдаться за что-либо, он использовал безотказный прием — ссылаясь на то, что накануне перебрал, хотя на самом деле с ним такое никогда не случается. По этой же причине вызывает сомнение его признание в употреблении наркотиков, просто после аналогичного заявления Билла Клинтонна такое признание стало для политиков чуть ли не хорошим тоном. Понимая, что связь с пресловутым клубом наносит ущерб Консервативной партии Великобритании, в октябре 2018 г. Ассоциация молодых консерваторов Оксфордского университета запретила своим членам вступать в него.

В отличие от других известных политиков, Джонсон никогда не жалел о своем Буллингдонском прошлом: связи в высших эшелонах очень пригодились ему впоследствии на пути к главной должности в стране. В возрасте 18 лет Борис поставил целью стать к 35 годам членом Кабинета, а из более близких и реальных — президентом знаменитого дискуссионного клуба — Общества Оксфордского союза, насчитывавшего тогда около 5 тыс. членов и считавшегося чуть ли не первой ступенькой на пути к должности премьер-министра. Президентство давало обладателю целый ряд существенных преимуществ по сравнению не только с рядовыми студентами, но и многими функционерами: выход на ведущих партийных деятелей страны, солидный бюджет (до 250 тыс. ф. ст. в год), штат 14 человек, поездки, огромный кабинет (больше, чем у министров) и пр. Первая попытка избраться на этот пост оказалась провальной: Борис, попытавшийся подкупить членов Общества бесплатной выпивкой, вынужден был уступить выпускнику государственной школы, который, по его мнению, имел гораздо меньше оснований претендовать на столь высокий пост.

Президентом Общества Джонсон стал только со второй попытки в 1985 г. К тому времени он был уже настолько популярен, что победил бы, несмотря на общую в университете нелюбовь к тори из-за реформ Тэтчер в области образования. Но на всякий случай он прибегнул к обману, чтобы завоевать аудиторию, притворившись сочувствующим социал-демократам. Борис и в дальнейшем старался не выпячивать свои предпочтения, которые выдавали в нем убежденного консерватора. Именно с тех пор за ним закрепилась слава беспринципного, расчетливого и неразборчивого в средствах политика, которому нельзя доверять. Тем более что он довольно быстро отстранился от тех, кто помог ему избраться: они перестали быть ему полезны.

В университете Джонсон поставил перед собой три цели: стать президентом вышеупомянутого Общества, найти жену и получить диплом первого разряда. Последнее оказалось наиболее сложным. До первого разряда он недотянул совсем немного, хотя в классических дисциплинах был одним из лучших. Его конек — прекрасное знание древней философии и литературы: этими знаниями он оперирует совершенно свободно, обильно и даже сверх меры вставляя в свои выступления и статьи «литературные деликатесы»²⁵ — изречения древних философов, проводя параллели между современными событиями и происходившим в Спарте или Древнем Риме. Это стало фирменным знаком Бориса. Легендарный возмутитель спокойствия в Палате общин лейборист Денис Скиннер заметил в этой связи, что итонцы «образованы сверх своих умственных способностей»²⁶.

²⁴ Закрытый мужской клуб привилегированной молодежи — отпрысков аристократических и сверхбогатых семей, в большинстве — выпускников Итона (первоначально клуб джентльменов со связями, любителей охоты и крикета, основанный в 1780 г.).

²⁵ Джонсон Б. Указ. соч., с. 216.

²⁶ Purnell S. Op. cit., p. 231.

Обладания первоклассным интеллектом и проницательным умом оказалось недостаточно для получения первого разряда, требовались также внимание к учебе и усидчивость. Однако именно эти качества были выражены у Бориса весьма слабо: свои прекрасные эссе он никогда не сдавал вовремя, не готовился к занятиям, делая это на ходу и полагаясь помимо памяти на везение и артистические способности. Не то чтобы он был ленив, просто всегда находил более важные дела. В этом он был похож на Тони Блэра, но в отличие от лидера лейбористов, не восставал против заведенного порядка, а принимал его с юмором²⁷.

Джонсон не был бы самим собой, если бы не выбрал самую красивую девушку на курсе, которая в 1987 г. стала его женой,— он всегда устанавливал для себя самую высокую планку. Аллегра Мостин-Оуэн была еще одной знаменитостью Оксфорда: дочь состоятельных родителей из семьи благородных кровей, с влиятельными друзьями, и сама придерживалась левых взглядов, к тому же снялась для обложек культовых журналов «Вог» и «Татлер». Ее выбор еще больше повысил статус Джонсона в университете. Их пару прозвали «красавица и чудовище»²⁸.

Родители невесты были против этого брака, но ничего не смогли поделать. Свадьба Бориса запомнилась его друзьям тем, что уже во время торжества он потерял обручальное кольцо, к тому же не позаботился заранее о костюме: взятый в последний момент напрокат, не подошел по размеру, и Борису пришлось одалживать вещи, в том числе брюки, у гостей. Потеря кольца никого не удивила: Джонсон был рассеянным, он отличался удивительной способностью прийти не на ту станцию, сесть не в тот поезд, он терял документы и билеты, вечно опаздывал. Впоследствии, когда он стал редактором журнала «Спектейтор», ответственность за все его передвижения и организационную часть деятельности взяла на себя опытная секретарша.

ДЖОНСОН – ЖУРНАЛИСТ

Окончив университет, в котором он получил прекрасное классическое образование, Борис устроился менеджером-консультантом, но уже через неделю уволился: он не собирался годами ждать повышения, чтобы прилично зарабатывать. Подняв все свои связи, появившиеся у него как у президента Общества Оксфордского союза, а также связи родителей, он устроился стажером в «Таймс», расположив к себе коллектив редакции хорошими манерами, эрудицией и юмором. Подражая своему кумиру Черчиллю, Борис хотел стать новостным или военным корреспондентом, но главный редактор решил, что ему лучше работать за письменным столом, чем быть на передовой. Решение оказалось правильным: богатое воображение Бориса и его склонность фантазировать могли в условиях военного конфликта привести к весьма серьезным последствиям. Впрочем, поначалу звезде Итона и Оксфорда давали самые простые задания.

Продержавшись в «Таймс» совсем недолго, Джонсон был уволен по причине журналистской недобросовестности: в одной из статей он приписал свои слова известному историку, профессору Оксфордского университета К. Лукасу, сделав из него посмешище. Привычка приукрашивать, выдумывать цитаты уже тогда стала для него обычным делом. Оболганный профессор вынужден был написать главному редактору Ч. Вильсону и выразить свое возмущение. В свою очередь, тот вызвал Джонсона на ковер и объяснил, что в его газете такое непозволительно. Реакция Бориса была оригинальной: вместо того, чтобы повиниться, он перевел стрелки на коллег, заявив, что так поступают все сотрудники газеты. Неудивительно, что итогом беседы с руководством стало его увольнение.

Вновь используя связи, Борис, к удивлению многих, устроился в «Дэйли Телеграф», являвшейся одним из главных конкурентов «Таймс». Сжалившись над способным и забавным молодым человеком, который чуть было не получил волчий билет, главный редактор газеты М. Хастингс решил дать ему шанс. Одновременно Джонсону предложили работу

²⁷ *Gimson A. Op. cit.*, p. 49.

²⁸ *Purnell S. Op. cit.*, p. 86.

в Исследовательском департаменте консервативной партии. Он мог бы постепенно подниматься по карьерной лестнице, подобно однокласснику-итонцу Д. Кэмерону, но Борис жаждал славы и был нетерпелив, поэтому от партийного предложения отказался. В «Дэйли Телеграф» приветствовалась индивидуальность, к эксцентрикам относились вполне толерантно, и хотя Борис держался несколько обособленно, это списали на его стеснительность. Ему было гораздо интереснее вращаться в кругах финансистов, куда он попал благодаря своему другу Спенсеру. Вспоминая известное изречение лорда Пальмерстона о вечных друзьях, врагах и интересах Англии («У Англии нет постоянных союзников и постоянных врагов, есть только постоянные интересы»), про Бориса говорили, что у него нет друзей, а только интересы²⁹.

Несмотря на то что стол Бориса был завален бумагами, газетами, коробками от еды, он мог с легкостью выдавать среди этого хаоса материал на 1,5 тыс. слов. К коллегам, слабости которых он ловко использовал, Джонсон относился как к обслуживающему персоналу, был самоуверен, полагая, что лучше других разбирается во многих вопросах, но это никого не обижало - он умел очаровывать. Его неповторимым стилем стало употребление старомодных фраз, необычных и подзабытых слов. Джонсон любил играть словами, часто придумывал новые, использовал двойной негатив (все это перекликалось с Черчиллем). Давал нелюбимые характеристики известным политикам – М. Портилло, Т. Блэру, Ж. Делору («хомо федералис»³⁰). Это нравилось читателям газеты – пожилым англичанам, представителям среднего класса. Однако он всегда предоставлял свой материал с большой задержкой, чем доводил сотрудников редакции до белого каления.

Важным этапом в карьере Джонсона стала работа корреспондентом в Брюсселе. Когда в 1989 г., наконец, появилась вакансия в городе, где он провел детство и который знал, как свои пять пальцев, Борис не колебался. Уже через два года работы в Бельгии он стал звездой европейского уровня. А ведь ему было всего 24 года. Фирменным стилем любителя театральных и эффектных представлений стало шумное, неизменно с опозданием, появление на пресс-конференциях. Поскольку он всегда прерывал мероприятие, то очень быстро установилась практика не начинать без Бориса. Он делал все, чтобы привлечь к себе внимание, используя не только эффектные появления, своеобразный стиль одежды (и это в европейской столице с довольно строгим дресс-кодом), но также специальный комический акцент, хотя французским - тогда в ЕС в основном говорили по-французски – он владел очень хорошо. По бельгийской столице возмутитель спокойствия рассекал на красном «Альфа-Ромео» без боковых зеркал, с привязанной проволокой дверью и ревушими динамиками. Очень скоро он добился, что в Брюсселе его знали все.

Коньком Бориса стал евроскептицизм: он методично высмеивал евробюрократию, преувеличивая принимаемые ею решения до гротеска. Этим он обратил на себя внимание Тэтчер, которая в его статьях находила подтверждение своим мыслям. Безусловно, евроскептицизм не был изобретением Бориса, имелись и другие деятели, настроенные скептически в отношении европейского проекта, но он смог перехватить эстафету из рук левых (Тони Бенна, Питера Шора), передав ее правым и сделав евроскептицизм привлекательным. Как признают лидеры Партии независимости Соединенного Королевства (ПНСК), чей главный лозунг – выход страны из Евросоюза – к лету 2016 г., наконец, овладел массами, именно Джонсон помог становлению их партии, сделав евроскептицизм модным трендом. По словам С. Пернелл, он «разжег евроскептический задор дьявольски умным способом, используя эффективный коктейль из юмора и сильного преувеличения»³¹. Корреспонденции Бориса несомненно способствовали углублению раскола в консервативной партии и в британском обществе в целом.

²⁹ Purnell S. Op. cit., p. 156.

³⁰ Ibid., p. 108.

³¹ Ibid., p. 115.

Среди придуманных им во время работы в Брюсселе, а потом и в Лондоне историй (вот она фейковая журналистика в чистом виде) можно упомянуть следующие: о намерении ЕС снести все здания, построенные с применением асбеста, лишить страны — члены союза права вето; о готовящемся запрете на чипсы со вкусом креветок и английские колбаски, на продажу бананов в связках; о предстоящей регламентации «еврогробов»; о том, что членство в ЕС обходится Великобритании в 350 млн ф. ст. еженедельно (сумма, которую можно было бы потратить на здравоохранение); о скором вступлении в ЕС Турции и, соответственно, наплыве в страну миллионов турок. На самом деле, с учетом «британского чека», как утверждает в мемуарах Кэмерон, ЕС обходился Великобритании в 160 млн ф. ст. еженедельно; что же касается Турции, то, по его словам, она могла бы вступить в Евросоюз не ранее 3000 года, другими словами — «никогда»³². Многое из того, о чем писал Борис, было откровенной неправдой, но в ответ на отдельные упреки он придумал хорошую отговорку — «я так вижу». Как считает Д. Макшейн, Борису следовало работать не в журналистике, а «комедийным актером мюзик-холла»³³. Но Джонсон хорошо понимал, что его фантазии — это именно то, что хотят видеть читатели «Телеграф». Это был новый вид журналистики, становившийся, с его легкой руки, все более популярным в Британии по мере приближения исторического референдума о сохранении ее членства в ЕС. Коллеги Бориса утверждали, что он вовсе не был таким уж евроскептиком, скорее — скрытым карьеристом. Но расчет Джонсона оказался верным — единственный евроскептик в Брюсселе, он быстро стал знаменит.

Публикации Бориса даже повлияли на итоги референдума в Дании по Маастрихтскому договору: в июне 1992 г. поверившие его утверждениям о намерении Брюсселя лишить малые страны их прав датчане проголосовали против Маастрихта. Джонсон гордился тем, что ему удалось повлиять на ход истории. Он словно тренировался перед будущим главным испытанием — референдумом по вопросу сохранения членства Британии в ЕС, хотя в то время вряд ли кто-то мог представить себе не только его проведение, но и то, что именно Борис будет держать в своих руках судьбу страны.

Джонсон доставлял серьезное беспокойство властям. Специально созданная в Форин офис группа отслеживала и пыталась нейтрализовать его публикации в СМИ, а глава министерства Д. Хёрд так и не смог добиться его увольнения из «Телеграф», несмотря на то, что Борис подрывал позицию МИД и правительства Дж. Мэйджора, демонстрировавших готовность Британии «быть в сердце Европы».

В 1994 г. звезда британской журналистики вернулся на родину. Он прибыл в Лондон с новой женой: Аллегра ушла от него, устав от беспорядочного образа жизни мужа, его постоянной скрытности, больше подходившей для сотрудника спецслужб. Зачастую ей приходилось разыскивать Бориса через редакцию, где тоже не всегда знали о его местонахождении. Доходило до абсурда: однажды в «Телеграф» пришло письмо от незнакомца, сообщившего о поручении некоего мистера Джонсона, который по обыкновению опаздывал на самолет и просто сунул ему, первому попавшемуся, клочок бумаги с адресом редакции, попросив передать, что он улетел по делам в Косово. Первая жена Бориса стала единственной женщиной, сообщившей СМИ историю их взаимоотношений.

В одиночестве Джонсон пробыл всего 12 дней. Со своей второй женой Мариной Уилер, дочерью известного журналиста, адвокатом (специалистом по разводам) с индийскими корнями по линии матери, он прожил около 30 лет. А знакомы они были намного дольше, так как в детстве учились в одной брюссельской школе. В отличие от Аллегры, Марина не пыталась переделать мужа, в том числе его внешний вид: ей было не до этого, ведь она занималась детьми. Имеющая левые взгляды жена настояла, чтобы дети учились в школе для хорошо обеспеченного верхнего слоя среднего класса, а не в Итоне.

³² Cameron D. For the Record. London, 2019, p. 668, 669.

³³ MacShane D. Op. cit., p. 174.

Благодаря ее влиянию Борис стал чуть более либеральным. В своих детях он воспитывал независимость и самостоятельность: уже с восьми лет они ездили в школу без сопровождения.

По возвращении в Лондон Джонсон был назначен заместителем главного редактора «Дэйли Телеграф» и главным политическим колумнистом. Он по-прежнему освещал все, что было связано с Евросоюзом, включая европейские саммиты, — лучше него эту тему не знал никто. Новое назначение было серьезным вызовом для Бориса, ведь он никогда не работал в команде и не управлял людьми. Коллег раздражала его крайняя неорганизованность. Как правило, за полчаса до сдачи номера в печать выяснялось, что он еще не приступал к своей колонке, а зачастую даже не знал, о чем будет писать. Однажды Джонсона попробовали проучить, поставив в номер другой материал. Устроив по этому поводу дикий скандал, он соблюдал редакционные правила в течение нескольких месяцев, а потом все пошло по-старому.

Джонсон привык к тому, что все подстраивались под него — неприкасаемого, суперзвезду, а не наоборот. «С Борисом нелегко работать, — отмечал М. Пэррис, — но если вы цените юмор и интеллект, то вы не можете им не восхищаться»³⁴. Высокую оценку способностям Бориса дает Ф. Вебстер, называя его «одним из самых проницательных политических умов среди представителей своего поколения»³⁵. В его материалы никогда не вносили правку, не сокращали, ему прощали многочисленные недостатки, которые были составной частью его харизмы — эгоизм, тщеславие, огромные амбиции, высокомерие и презрение к тем, кого он считал ниже себя, манипуляцию людьми, отсутствие лояльности (которой от него и не ждали) и даже скупость: он не только не угощал коллег в баре, но и за себя порою забывал платить. Новичков просто предупреждали не одалживать ему денег, потому что Борис никогда их не возвращал. Станным образом это делало его еще более привлекательным.

От нападков со стороны коллег его всегда защищали вышестоящие, отмечавшие, что Джонсон не такой, как все, — «исключительно умен, одарен и оригинален», поэтому его надо прощать. По словам одного из начальников, «ему сошло бы с рук даже убийство, потому что он очарователен»³⁶. Борис умел избегать конфликтов.

Довольно часто Джонсон появлялся на телевидении — в информационных программах, популярных шоу, в «Тор Gear»³⁷, где его необыкновенное умение смешить людей стало настоящей находкой. При желании Борис мог стать главной телевизионной звездой, получив высокооплачиваемую работу, о которой мечтали многие. Но он предпочел политику.

На то, чтобы пробиться в депутаты, у Джонсона ушло семь лет. В консервативной партии у него было много врагов. Самый влиятельный из них, бывший премьер Джон Мэйджор, даже агитировал против Бориса в ходе предвыборной кампании за пост лидера летом 2019 г. Неудивительно, что Джонсона придерживали, не давая избраться даже депутатом Европарламента. Избирательная комиссия методично вычеркивала его из всех кандидатских списков. Только в 2000 г. Бориса, наконец, допустили до надежного для тори избирательного округа Хенли. По обыкновению, он задержался с номинацией на неделю, но ради него, как обычно, нарушили правила. Перед избирательной комиссией Джонсон предстал абсолютно неподготовленным, с оторванным карманом и в нечищенных ботинках. В отличие от других кандидатов, коих было более двухсот, он не встречался с жителями округа и не обременял себя знаниями о нем. На финальном отборе собралось довольно много народу, жаждавшего увидеть столичную звезду живьем. В итоге, рассказав пару баек и исполнив свою обычную клоунаду, Борис выиграл надежный округ с небольшим перевесом.

³⁴ Purnell S. Op. cit., p. 196.

³⁵ Webster Ph. Inside Story. Politics, Intrigue and Treachery from Thatcher to Brexit. London, 2016, p. 355.

³⁶ Purnell S. Op. cit., p. 181, 138.

³⁷ «Top Gear» — популярная британская телепередача, посвященная автомобилям.

Параллельно с работой в «Дэйли (и «Санди») Телеграф» Джонсон стал главным редактором влиятельного политического еженедельника «Спектейтор», популярного среди британского истеблишмента. Получив один из самых желанных постов в журналистике, Борис пообещал владельцу упомянутых изданий Конраду Блэку отказаться от политической деятельности, сосредоточившись на редакторской. Однако обещание свое по обыкновению не сдержал. Наказать за это «неслыханно двуличного» Бориса было невозможно, так как к тому времени он уже превратился в бренд, который поднял тираж журнала почти вдвое - до 70 тыс. экземпляров. Он оказался также замечательным главным редактором: доброжелательным, понимающим, никогда не паникующим. Подобрал себе хорошего заместителя, Борис, воспользовавшись двухнедельным отпуском по уходу за четвертым ребенком (почему бы и нет, если аналогичным образом поступали даже премьер-министры Блэр и Кэмерон?). Он привлек в качестве авторов своих родственников и друзей. Сотрудников устраивало, что шеф не сидит на рабочем месте с утра до вечера, а занимается и другими делами.

В журнале не было цензуры, на его страницах допускалась критика руководства тори, высказывались разные мнения, например, сторонников и противников войны в Ираке. (Сам Джонсон поддержал вторжение, о чем впоследствии сожалел). Понимая, что так называемое «ловкое досье»³⁸ было сфабриковано, он взял на работу пресловутого Э. Гиллигана, виновника грандиозного скандала между правительством и Би-би-си³⁹. Его журнал не щадил ни деятелей лейбористского правительства, включая премьер-министра, ни консерваторов. Блэра не спасло от разоблачений даже то, что он лично поздравил Джонсона с высоким назначением: именно «Спектейтор» написал о попытке премьера командовать на похоронах королевсы-матери, а также о дорогостоящих репетициях его детей⁴⁰. Но высмеивать итонцев Борис не позволял.

Он также вел автомобильную колонку в популярном журнале для мужчин «GQ», что обеспечивало его шикарными авто («Бентли», «Мазерати», «Феррари») для тест-драйва. Журнал взял на себя оплату многочисленных штрафов за неправильную парковку, так как Борис любил оставлять свой автомобиль в неположенных местах, например перед зданием Скотланд-Ярда.

В ПАРЛАМЕНТЕ И «ТЕНЕВОМ» ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

Во время предвыборной кампании 2001 г. Джонсон оставил редакторскую деятельность и посвятил себя работе в избирательном округе. Он победил, набрав большинство в 8,5 тыс. голосов, хотя в целом тори сокрушительно провалились. С этого момента начинается упорное восхождение Бориса к политической вершине — должности премьер-министра, которое заняло у него 18 лет. Многие сомневались, что ему удастся из телезвезды превратиться в политика, полагая, что помешают «клоунские тенденции», а также его любвеобильность (ведь живет не во Франции, а в Британии). Так, М. Портилло посоветовал Борису сделать выбор между политикой и шутовством, а также бросить работу в журнале и сконцентрироваться на политической деятельности. Но Джонсон не стал выбирать — он первым объединил одно с другим, сделав это задолго до превращения в мировой тренд (приход во власть других комедиантов состоялся чуть позже).

Законодательная деятельность новоиспеченного депутата в комитете по борьбе с преступностью была невыразительной. Данная проблематика его не особенно увлекала. Джонсон прославился в парламенте благодаря не ораторскому искусству, а искрометному

³⁸ Досье британской разведки с обоснованием необходимости вторжения в Ирак.

³⁹ Гиллиган, ссылаясь на слова анонимного эксперта министерства обороны, утверждал, что досье было сфабриковано.

⁴⁰ Purnell S. Op. cit., p. 203.

юмору и внешнему виду, резко выделявшему его на общем фоне серых политиков. Он стал также самым знаменитым в стране велосипедистом: борьба с лишним весом привела к увлечению бегом трусцой и велоспортом, а свои регулярные пробежки и выезды он по обыкновению превратил в театрализованные представления. Рисковый во всем, он привык выезжать на перекресток, не глядя по сторонам.

Парламентскую деятельность Борис совмещал с работой в журнале, хотя совместительство было запрещено. В свое оправдание он любил ссылаться на знаменитых британских премьеров Дизраэли и Черчилля, которые тоже сочетали политическую деятельность с литературной и журналистской.

В своем просторном парламентском кабинете с камином и большим диваном (для Джонсона опять сделали исключение, тогда как другие депутаты вынуждены были ютиться по несколько человек в комнате), а также на заседаниях Палаты общин он по-являлся нечасто. Для депутата с его амбициями это было немного странно, но Борис считал, что в отличие от других ему не обязательно зарабатывать очки с помощью ярких речей для того, чтобы продвигаться по карьерной лестнице. По обыкновению он не соблюдал установленные правила: называл коллегу-депутата не «достопочтенным джентльменом», как это положено в Палате общин, а «стариком», не отключал телефон во время заседаний, не подчинялся кнутам. Да и внешний, всегда помятый вид Джонсона, который забавлял, когда он был простым журналистом, был неуместен в Вестминстере, вызывая у коллег не умиление, а скорее недоумение.

Вместе с другими молодыми и подающими надежды тори — Д. Кэмероном и Дж. Осборном — Бориса привлекли для подготовки тогдашнего лидера консерваторов И. Данкен-Смита к вопросам и ответам в парламенте. Это было очень важное партийное задание. Но вклад Бориса можно назвать минимальным: среда была важным днем в журнале, поэтому он забегал в парламент, где заседала группа, быстро просматривал газеты, записывал пару фраз на бумаге и исчезал, после чего команда трудилась еще несколько часов.

Вне парламента, на различных мероприятиях, он выступал довольно часто, тем более что это хорошо оплачивалось — по 10 тыс. ф. ст. за выступление (позже ставка Бориса возросла до 30 тыс.). Таким образом, все вместе — зарплата депутата, выступления, телевидение, работа в «Телеграф» и «Спектейтор» — приносили ему хороший доход, что сделало Джонсона одним из самых высокооплачиваемых депутатов парламента, позволив обзавестись солидной недвижимостью в разных частях Лондона, а также в Оксфордшире, Сомерсете и в Греции.

К середине двухтысячных Борис превратился в «самого популярного политика своего времени»⁴¹, более известного, чем многие члены кабинета. По всей стране создавались его фан-клубы, он был внесен в «крутой список» наряду с голливудскими звездами. На «чудаковатого тори» охотились папарацци, а «Дэйли Мэйл» даже вела так называемый «Дневник Бориса», где описывала его похождения. В 2004 г. Джонсон удостоился большой статьи в «Vanity fair», в которой его сравнивали с Р. Рейганом и А. Шварценеггером — звездами, ставшими политиками, и утверждалось, что в будущем он станет премьер-министром. Не случайно в опубликованной в 2012 г. яркой книге Д. Чартера «До свидания, Европа!», одной из первых в серии работ, призывавших к выходу из ЕС, рисуя будущее Британии, автор пишет о Джонсоне как о новом лидере консервативной партии⁴².

В октябре 2003 г. Данкен-Смит проиграл на выборах лидера тори Майклу Ховарду. В попытке направить энергию Джонсона на что-то полезное для консерваторов новый лидер назначил его заместителем председателя партии. Это назначение было сделано

⁴¹ *Prince R. Theresa May. The Enigmatic Prime Minister. London, 2017, p. 333.*

⁴² *Charter D. Au Revoir, Europe. What if Britain left the EU? London, 2012, p. 297.*

вопреки возражению партийных кнотов⁴³, возмущенных поведением Бориса в парламенте и считающих, что он подает плохой пример другим членам фракции. Однако уже через год его вынуждены были отправить в отставку в связи со скандалом вокруг романа с коллегой-журналисткой из «Спектейтора» (а точнее, из-за обмана партийного руководства, что никакого романа не было). К счастью, женщины Джонсона не продавали свои истории газетам. О бурных вечеринках в журнале «Секстейтор»⁴⁴, как его называли, ходило много слухов, появилась даже пьеса, которая пользовалась успехом у зрителя. Реакция Бориса была спокойной: взяв на вооружение манеру реагировать на неприятности с добродушием и юмором, он даже не уволил коллег, которые сообщили СМИ пикантные подробности жизни коллектива. Скандал ему совсем не навредил, ведь Джонсон умел выкручиваться из острых ситуаций, «страхнув с себя критику и унижения, которые были бы смертельны для других»⁴⁵. Кэмерон называл Бориса единственным политиком, способным любое унижение обратить в триумф⁴⁶. Его излюбленный прием выхода из неловкой ситуации — начать валять дурака. В этом Джонсону не было равных.

На всеобщих выборах 2005 г. Джонсон увеличил большинство в своем округе почти до 13 тыс.⁴⁷ Его победа была еще более заметной на фоне очередного поражения консервативной партии. Все это время он продолжал сочетать работу главного редактора журнала с депутатством, и только после победы, когда его назначили «теневым» министром высшего образования, он вынужден был уйти из «Спектейтора». При этом Борис сохранил за собой колонку в «Дэйли Телеграф», выбив к тому же существенное повышение зарплаты. Популярности на ниве образования он не снискал, так как продвигал идею увеличения платы за обучение. Именно по этой причине в 2006 г. провалилась его попытка стать руководителем Эдинбургского университета, кампания в котором прошла под лозунгом «Кто угодно, кроме Бориса!».

В пользу Джонсона надо сказать, что при всех своих недостатках он был трудоголиком, привыкшим вставать в 5 утра, а работать до позднего вечера, часто по выходным. При этом он находил время не только для того, чтобы читать книги (по три одновременно), но и чтобы писать их. Так, он написал о своем кумире, «величайшем британце всех времен» Черчилле, жизнь которого исследована вдоль и поперек, при этом написал так, что она читается на одном дыхании. Называя Черчилля человеком, который «врывается в кабину пилота, чтобы взять на себя управление подбитым самолетом», сравнивая его с «большим, выступающим гвоздем, зацепляющим плащ судьбы», он показал, как «Черчилль несколько раз вставал на пути потока истории и изменял ее течение». Приход «банды Черчилля» во власть он сравнил с дворцовым переворотом, а реакцию истеблишмента — с «визгом благородного собрания, когда там неожиданно появляются пираты»⁴⁸. Несомненно, Джонсон жил с ощущением своей способности стать таким же гвоздем, зацепляющим плащ судьбы, и очень скоро у него появилась возможность это проверить.

Перу Джонсона принадлежат забавные политические мемуары о его избрании в парламент «Друзья, избиратели, соотечественники» (2001 г.), книга «Мечта о Риме» (2006 г.), по которой был снят тепло принятый зрителями телефильм. (В нем он сравнивал Евросоюз с Римской империей, интервьюировал людей на французском, итальянском и немецком, а еще говорил на латыни). Критики отмечали, что Борис чересчур эрудирован для аудитории Би-би-си-2. В бытность мэром Джонсон написал книгу

⁴³ Партийные кноты — партийные организаторы, которые следят за тем, чтобы члены фракции голосовали в соответствии с указаниями партийного руководства.

⁴⁴ Purnell S. Op. cit., p. 247.

⁴⁵ Oliver C. Op. cit., p. 396.

⁴⁶ The Daily Mail, 25.V.2019.

⁴⁷ Purnell S. Op. cit., p. 277.

⁴⁸ Джонсон Б. Указ. соч., с. 14, 44–45, 247.

о Лондоне, в 2016 г. — книгу о Шекспире («Шекспир. Загадка гениальности»). Он также является автором «тошнотворного», по словам оппонентов, триллера о том, как исламские террористы захватывают президента США во время его выступления в Вестминстере, — «72 девственницы. Комедия ошибок» (2004 г.).

Важными для понимания истории с Брекситом являются отношения Джонсона с Д. Кэмероном, который в начале декабря 2005 г. стал лидером консервативной партии. Было бы преувеличением говорить о том, что поддержка со стороны Бориса сыграла решающую роль в избрании Кэмерона, но, безусловно, позиция самого популярного тори не могла пройти незамеченной. Для амбициозного Джонсона, который проявил «проницательность и великодушие»⁴⁹, публично поддержав выдвижение перешедшего ему дорогу более молодого однокашника, избрание последнего было болезненным, но свои шансы на пост лидера, несмотря на широкую популярность среди рядовых членов партии, он справедливо расценивал в тот момент как минимальные, ведь у него не было поддержки в руководстве. Он не стал скрывать, что поддерживает Кэмерона в расчете на продвижение собственной карьеры⁵⁰. Итонцы и выпускники Оксфорда Борис и Дэвид были не друзьями, а соперниками. По своим взглядам, по характеру — это совершенно разные люди. Аристократ Кэмерон — хладнокровный и системный политик, «хорошо воспитанный и подготовленный», с безукоризненными манерами, в общем — «английский джентльмен, который всегда поступает правильно»⁵¹. Джонсон — не джентльмен, а рискованный аутсайдер, действующий интуитивно и быстро, не боящийся быть смешным и чрезвычайно популярный. Рядом с Джонсоном Кэмерон выглядел слишком аристократом, а играющий на контрастах Борис был ближе к народу. На партийных конференциях он всегда получал больше аплодисментов, чем лидер. Если в каком-либо мероприятии участвовал Джонсон, то все внимание было приковано к нему, а Кэмерон оставался в тени. Как отмечает Ф. Вебстер, «они никогда не могли понять, в чем состоит секрет успеха друг друга»⁵². Дэвид относился к главному претенденту на пост лидера партии ревниво и с опаской. Согласно опросам, более половины сторонников конкурента тори ПНСК голосовало бы за консерваторов, если бы во главе партии стоял Джонсон⁵³.

Соперники изредка встречались на теннисном корте. Стиль игры Бориса, по словам Кэмерона, был таким же, как и стиль его жизни, — «агрессивным, совершенно неординарным (он часто играл старой деревянной ракеткой) и крайне соревновательным»⁵⁴.

Борис не получил серьезного поста в «теневом» кабинете Кэмерона, став лишь министром по вопросам высшего образования, что шло вразрез с его ожиданиями и не могло быть воспринято иначе как унижение. Ему не доверяли и не давали развернуться, тем более что он и сам подставлялся, допуская неосторожные высказывания, критикуя коалиционное правительство (после того, как в 2010 г. тори пришли к власти), не говоря уже о многочисленных романах, которые так любили обсуждать в СМИ. В своей колонке в «Телеграф» Борис часто высказывал, очевидно, чтобы позабавить публику, совсем уж бредовые идеи, например предложил американцам помочь Ирану создать ядерную бомбу (они ведь все равно ее сделают), но в обмен на обещание не угрожать Израилю и продвинуться в сторону демократии⁵⁵. Это взбесило главу Форин офис У. Хейга, который не стал скрывать, что назначение «этого шоумена» министром по делам Европы не состоялось из-за его статьи.

⁴⁹ *Cameron D.* Op. cit., p. 80.

⁵⁰ *Purnell S.* Op. cit., p. 284.

⁵¹ *Gimson A.* Op. cit., p. 314.

⁵² *Webster Ph.* Op. cit., p. 354.

⁵³ *Seldon A. & Snowdon P.* Cameron at 10. The Inside Story, 2010-2015. London, 2015, p. 385.

⁵⁴ *Cameron D.* Op. cit., p. 652.

⁵⁵ *Purnell S.* Op. cit., p. 306.

МЭР ЛОНДОНА

Общезвестно, что руководство тори весьма неохотно поддержало кандидатуру Джонсона на пост мэра Лондона, хотя Кэмерон в мемуарах пытается убедить в обратном, утверждая, что Бориса якобы пришлось еще и уговаривать⁵⁶. Решение выдвинуться появилось после того, как Джонсон окончательно осознал, что подняться до уровня члена кабинета ему не дадут, а вот с должности мэра Лондона это становилось реальным. Многие не верили, что у него есть шансы победить «Красного Кена» — популярного действующего мэра Лондона Кена Ливингстона, при котором столица превратилась в мировой финансовый и туристический центр и получила право на проведение летних Олимпийских игр 2012 г. Но Кен был лейбористом, а их правление с учетом обременения в виде Иракской войны близилось к концу. В общем, Борис решил рискнуть и не прогадал.

Команда Кена представляла Джонсона скандалистом, расистом, сторонником войны в Ираке, ловеласом, клоуном, глупцом, гомофобом... И явно перестаралась. Ведь Борис был главным редактором авторитетного журнала, популярным политиком, которого поддерживали в Сити (совсем не случайно уже тогда он начал последовательно продвигать идею снижения налогов на тех, кто хорошо зарабатывает). Консервативная партия в то время еще не пришла к власти, и в руководстве понимали, что поражение кандидата-тори стало бы ударом по планам консерваторов победить на предстоящих всеобщих выборах, уменьшая и шансы Кэмерона стать премьер-министром.

Борис провел успешную кампанию под руководством известного политтехнолога Л. Кросби, австралийца, за спиной которого были четыре победы Джона Хауарда, премьер-министра Австралии (1996–2007 гг.), а потом добавились все победы Джонсона. Кросби известен также как автор приема «дохлой кошки», который стал для британских политических стратегов одной из заповедей в духе Макиавелли. Суть этого приема заключается в следующем: если вы не хотите обсуждать какую-то неприятную тему, то для переключения внимания присутствующих надо вбросить на обеденный стол дохлую кошку, тогда все мгновенно позабудут, о чем говорили до этого⁵⁷. Кросби поработал над внешним видом Бориса, сделал его более собранным и пунктуальным, оградил от журналистов, задействовал жену Марину. Для привлечения голосов иммигрантов акцентировалось внимание на том, что Борис является внуком иммигранта-мусульманина.

В итоге Джонсон обошел Ливингстона, получив 42,5% (против его 36,3%) и стал первым консерватором, который в условиях 11-летнего пребывания тори в оппозиции был избран на такой высокий пост. На первой же партийной конференции, где Борис появился в новом качестве, ему устроили овацию. Понятно, что лидер партии Кэмерон оказался в тени главного героя, что лишь усилило его чувства «ревности и неприязни» к играющему на публику мэру⁵⁸.

Джонсон сохранил за собой работу в «Телеграф» — для него опять сделали исключение. Но в обмен на обещание передавать пятую часть зарплаты, которая и так заметно уменьшилась, на благотворительность студентам-журналистам. Однако в реальности он передавал существенно меньше обещанного.

Под началом нового мэра оказалось 600 человек, причем своей команды у него не было, кроме секретарши, которую он прихватил из редакции. Первые распоряжения Бориса вызвали недоумение: в штаб-квартире он велел убрать все двери и внутренние перегородки, а также отменил ежедневные заседания, ослабив тем самым контроль за исполнением своих распоряжений. «Зовите меня Борис!» (по аналогии с блэровским «Зовите меня Тони!»), напротив, прошло на ура.

⁵⁶ *Cameron D.* Op. cit., p. 109.

⁵⁷ *Oliver C.* Op. cit., p. 138–139.

⁵⁸ *Seldon A. & Snowdon P.* Op. cit., p. 219.

Поначалу Джонсон склонялся к тому, чтобы играть представительскую роль, а работать должна была команда, но через полгода ему пришлось все-таки погрузиться в дела по-настоящему. Довеском к мэру стали его многочисленные родственники, которые вместе с Борисом оказались в центре внимания СМИ. Особенно активно вел себя его отец Стэнли, задумавший получить министерский пост, а для начала заменить сына в качестве депутата от округа Хенли. Но это было немедленно пресечено руководством тори, посчитавшим, что одного Джонсона во власти более чем достаточно.

При новом мэре был введен запрет на употребление алкоголя в метро и автобусах, парк которых был существенно обновлен (Борис вернул на улицы символ Лондона – красные даблдэкеры), началось осуществление грандиозного проекта – строительство первой высокоскоростной железной дороги (между Лондоном и графством Кент). Для популяризации велоспорта повсюду установили велостоянки (этот опыт был позитивен ввиду сотрудничества с другими столицами, в том числе Москвой). Да и сам Борис добился на работу и с работы на велосипеде.

Самым сильным аргументом в активе Джонсона стали летние Олимпийские игры 2012 г. Огромная подготовительная работа городских властей, наряду с четкими и профессиональными действиями полиции и военных, позволила провести их без каких-либо эксцессов.

Но были и серьезные промахи, которые Борису припомнили в ходе кампании избрания лидера партии, в частности строительство небоскребов с баснословно дорогими квартирами, покупку водометов для разгона демонстрантов (их применение запретила министр внутренних дел Тереза Мэй); запоздалое – только через три дня – возвращение мэра с отдыха в Британской Колумбии во время волнений в Лондоне в августе 2011 г., что вызвало негодование жителей столицы. Борис, для которого это стало «моментом урагана Катрина»⁵⁹, вернулся только после крика со стороны премьер-министра. Да и идея с велосипедами, которая преподносилась как бесплатная, на самом деле обошлась Лондону в 200 млн ф. ст. Ему припомнили многочисленные травмы сбитых велосипедистами пешеходов, а также жертв наездов. Но транспортное сообщение в столице несомненно улучшилось, а туристическая привлекательность Лондона еще больше возросла.

Олимпийские игры сделали Джонсона мировой суперзвездой: он не сходил с экранов телевизоров по всему миру, в то время как его партийный шеф, премьер-министр Д. Кэмерон, фигурировал где-то даже не на втором, а на третьем плане. Игры стали для Бориса «лучшей пиар-кампанией в истории»⁶⁰. Он ухитрился оборачивать в плюс то, что уничтожило бы любого другого политика, например облетевший весь мир благодаря YouTube эпизод зависания на тарзанке. Став сверхпопулярным, Джонсон был включен газетой «Таймс» в список 100 самых влиятельных людей планеты. Еще больше осмелев, он позволял себе делать выпады против Кэмерона, которого публично упрекнул в нарушении обещания провести референдум по Лиссабонскому договору (другими словами – европейской конституции). Он критиковал правительство по вопросам политики в ЕС, евро, налогов, укрепляя свой имидж ненадежного для руководства человека.

В мае 2012 г. Джонсон вновь был избран мэром. Он не собирался идти на второй срок, но приглашения в правительство все не было. Жители Лондона голосовали за Бориса назло действующему премьеру. К этому моменту он рассматривался многими как «премьер-министр в ожидании». В мемуарах Кэмерон пытается опровергнуть утверждение, что он якобы не хотел повторного избрания Джонсона, списывая это на присущую Борису паранойю. При этом он утверждает, что мэр и его команда работали не с полной отдачей⁶¹ и что у него были очень спорные идеи (например, убрать из поездов метро машинистов). Об их взаимоотношениях свидетельствует выразительная фраза Бориса

⁵⁹ *Cameron D.* Op. cit., p. 300.

⁶⁰ *D'Ancona M.* In It Together. The Inside Story of the Coalition Government. London, 2013, p. 207.

⁶¹ *Cameron D.* Op. cit., p. 357.

в ответ на публичное пожелание премьера, чтобы «в каждом городе был свой Борис», — «Надеюсь, я смогу выжить после твоей поддержки»⁶².

Чтобы подчеркнуть непостоянство Бориса, Кэмерон утверждает, что тот признавался ему в намерении уйти из политики⁶³. Если это и так, то вскоре настроение Джонсона переменялось, и на всеобщих выборах 2015 г. он избрался в парламент от округа Аксбридж и Южный Райслип. На этих выборах консервативная партия одержала внушительную победу, получив абсолютное большинство в Палате общин. Теперь, наконец, Кэмерон сдался, понимая, что лучше иметь Бориса в своей команде и под контролем, чем предоставить ему свободу действий, окончательно закрепив в роли оппонента, и он назначил мэра членом кабинета, невольно приблизив его к желанной цели — должности главы правительства.

АРХИТЕКТОР БРЕКЗИТА

Безусловно, главным событием в деятельности Джонсона-политика стал Брекзит, архитектором которого его по праву можно назвать. Ведь если бы не его переход на сторону брекзитеров выхода из ЕС, этого эпохального, перевернувшего страну события могло и не случиться. А итогом референдума стала бы победа, пусть и с небольшим перевесом, сторонников продолжения членства Британии в Евросоюзе. Авантюрная затея с референдумом вдохновила Бориса на подвиги: расценив ее как удачную возможность расчистить путь к вершине власти, он мастерски использовал этот шанс в своих карьерных интересах. Мало кто считал Джонсона убежденным брекзитером. Ведь его ранние антиевропейские публикации, по общему мнению, были навеяны желанием во что бы то ни стало прославиться, а более поздние — подняться по карьерной лестнице. Хотя в прошлом он выступал за проведение референдумов, в том числе и по Лиссабонскому договору, никогда не призывал к выходу из ЕС. Поэтому за резкий разворот Бориса в сторону Брекзита окружение Кэмерона назвало его «шарлатаном, у которого не хватает смелости быть честным негодяем и который использует тактику труса и трюки мошенника в целях продвижения своей карьеры»⁶⁴. Премьер даже публично обвинил мэра в стремлении побыстрее въехать на Даунинг-стрит, 10⁶⁵. Позже он несколько смягчил свою критику, чтобы не усугублять раскол в партии, и напрасно — подчеркивает Д. Рейнолдс⁶⁶.

Кэмерон вынужден был оправдываться за проведение референдума, который некоторые его соратники называют «чудовищной ошибкой», превратившей навязчивую идею консерваторов в национальный вопрос⁶⁷. Утверждая, что встретил популизм «лицом к лицу»⁶⁸, он сожалеет, что ему не удалось убедить британцев в необходимости остаться в Евросоюзе. Нельзя не отметить, что Кэмерон был излишне самоуверен, считая себя «везунчиком», о чем заявлял коллегам по кабинету и европейским партнерам⁶⁹, пытавшимся предостеречь его от проведения референдума, который нес огромный риск для него лично, для партии тори, для страны и Евросоюза. Он хвалился, что «может выиграть все что угодно»⁷⁰. Сейчас незадачливый экс-премьер коротает время в элитарных аристократических клубах, периодически выступая с лекциями, за которые получает

⁶² Ibid., p. 358.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ *Oliver C.* Op. cit., p. 195.

⁶⁵ The Daily Telegraph, 23.II.2016.

⁶⁶ *Reynolds D.* Island Stories. Britain and Its History in the Age of Brexit. London, 2019, p. 107.

⁶⁷ The Observer, 15.IX.2019.

⁶⁸ *Cameron D.* Op. cit., p. 408.

⁶⁹ The Times Magazine, 14.IX.2019, p. 16.

⁷⁰ The Daily Mail, 13.IX.2019.

щедрое вознаграждение. Вместе с тем Кэмерона не может не угнетать то, что в рейтинге британских премьер-министров он и его преемница Тереза Мэй заняли места рядом с Э. Иденом, худшим премьером, замыкающим этот символический список. Все его достижения – модернизация консервативной партии, ее превращение в правящую после 13-летнего пребывания в оппозиции, стабильное правление коалиционного правительства, снижение огромного бюджетного дефицита и оздоровление экономики, рост занятости и др. – перечеркнуты историей с референдумом и его ошеломляющими итогами.

Что касается Бориса, то он никак не мог окончательно решить, к кому примкнуть – к сторонникам выхода или его противникам. Будучи «поразительно нерешительным»⁷¹, он колебался «подобно шаткой тележке из супермаркета», «заигрывал с Брекситом»⁷². Он даже ухитрился написать накануне референдума две статьи – за и против Брексита (вторая не была опубликована), что впоследствии использовали как доказательство его беспринципности⁷³. В защиту Джонсона можно сказать, что он сделал это скорее всего для прояснения своих мыслей, чтобы проверить силу аргументов «за» и «против» в духе дебатов в Обществе Осфордского союза, когда их участники вдруг менялись ролями, начиная защищать противоположную точку зрения. Он объяснил этот казус проведением «мыслительного эксперимента»⁷⁴.

Кэмерон написал о терзаниях Бориса сочувственно, понимая, что тот «разрывался между своим разумом, подсказывавшим ему, что выход из ЕС станет ошибкой, и сердцем, толкавшим к романтической цели обретения большей свободы» (от ЕС. – Н. К.)⁷⁵. В свою очередь, К. Оливер (бывший пресс-секретарь Кэмерона) сравнил состояние Джонсона с колебаниями заключенного, который вдруг обнаруживает, что дверь камеры не заперта, но боится бежать⁷⁶. Понимая, что переход Бориса в стан противника может нанести непоправимый удар по позиции правительства, склонив чашу весов в стране в пользу Брексита, премьер посулил Джонсону один из пяти главных постов, а в недалеком будущем – возможность попробовать силы на выборах следующего лидера партии. Это щедрое предложение не показалось Борису привлекательным, ведь он мог получить главный приз уже сейчас. Тем более все знали, что премьер видел своим преемником канцлера казначейства Дж. Осборна.

Как полагает Кэмерон, одним из побудительных мотивов Бориса стало «нежелание чтобы эту корону (лидера кампании за выход из ЕС. – Н. К.) завоевало другое высокопоставленное лицо, в частности М. Гоув»⁷⁷. Скорее всего именно опасение, что его могут опередить, уведя его место из-под носа, положило конец колебаниям. Борис объявил о переходе в лагерь брекзитеров в ходе спонтанной пресс-конференции на ступеньках своего дома, сообщив премьеру о принятом решении буквально за 10 минут до своего заявления прессе, хотя четырем часами ранее в письме он обещал Кэмерону свою поддержку. Реакция Джонсона на высказанные в мемуарах Кэмерона обвинения в карьеризме отличалась великодушием: он особо подчеркнул, что это не может изменить его уважительного отношения к экс-премьеру, а также повлиять на испытываемую к нему симпатию⁷⁸.

Против правительства, как признает Кэмерон, работало множество факторов – и фейковые новости, и неприятие народом истеблишмента, и растущее недовольство

⁷¹ *Webster Ph.* Op. cit., p. 11.

⁷² *Oliver C.* Op. cit., p. 32.

⁷³ *The Times*, 2.V.2019.

⁷⁴ *The Guardian*, 16. X.2016.

⁷⁵ *Cameron D.* Op. cit., p. 654.

⁷⁶ *Oliver C.* Op. cit., p. 121.

⁷⁷ *Cameron D.* Op. cit., p. 656.

⁷⁸ *The Times*, 14.IX.2019.

глобализацией, и беспомощность в отношении уровня иммиграции⁷⁹. Организаций брекзитеров было много — больше на правом, чем на левом фланге. Согласно опросам, Брекзит поддерживали 2/3 членов консервативной партии⁸⁰. Но были брекзитерские группы и среди лейбористов⁸¹. Тем не менее с ними можно было побороться, тогда как переход в этот лагерь Джонсона стал той последней каплей, которая окончательно склонила чашу весов общественных настроений к выходу из ЕС. В итоге протекавшая довольно вяло кампания за Брекзит, которую, как полагал Кэмерон, поддержит лишь горстка безвестных министров, получила яркого лидера и второе дыхание.

Взяв себе в союзники Черчилля, который выступал за создание Соединенных Штатов Европы, но без Великобритании (знаменитые слова «величайшего британца» — «Мы с Европой, но не часть ее»⁸²), призывая исправить «предательство 1973 г.» (вступление в ЕС. — *Н. К.*), Борис развил кипучую деятельность, передвигаясь по стране на двухэтажном автобусе от одного многочисленного митинга до другого. Выпускник Итона и Оксфорда Джонсон не очень подходил на роль ярого борца с истеблишментом и за сохранение британской идентичности. Используя лексикон «простого рабочего человека», он обещал аудитории то, что она хотела услышать: рабочим — положить конец наплыву иммигрантов, выходцам из Азии — облегчить их воссоединение с семьями. Вместе с тем, в отличие от Н. Фэража и некоторых других «эксцентричных и периферийных», не очень опасных для руководства тори евроскептиков⁸³, от харизматичного Джонсона нельзя было просто отмахнуться, он представлял для противников Брекзита серьезную угрозу.

Ложь и пустые обещания, раздаваемые Борисом направо и налево, вынудили М. Хезлтайна заявить, что на Джонсоне «начинает сказываться усталость от проходящей кампании — он допускает абсурдные и непримечательные политические выпады»⁸⁴. Даже газета «Сан» обеспокоилась тем, что откровенная ложь может помешать Борису «стать нашим следующим премьер-министром»⁸⁵. (Как видим, не помешала.) Хотя ложные утверждения тут же опровергались властями, это не останавливало брекзитеров, которые шли к своей цели напролом. Но и их противники перестарались, запугивая британцев тяжелыми последствиями «развода» с ЕС как для экономики, так и для безопасности страны, вплоть до войны в Европе (кампания запугивания получила в СМИ название «Проект страха»). Особенно отличился по этой части канцлер казначейства Осборн, но его «апокалипсические предостережения раздавались столь часто, что в них мало кто верил»⁸⁶.

В чем-то Борис искренне заблуждался, например, полагая, что удастся сохранить доступ Британии на единый европейский рынок, введя при этом запрет на свободу передвижения рабочей силы, что после выхода страна сохранит за собой место в Европейском совете и что все вопросы с Брюсселем можно будет легко уладить на переговорах, в крайнем случае — провести еще один референдум⁸⁷.

Брекзитеров активно поддерживали британские СМИ, которые на протяжении двух десятков лет буквально соревновались между собой по части небылиц о Евросоюзе. Так, «Дэйли Стар» утверждала, что в ЕС разрабатывается план ограничения продажи выпивки по будням. Другие сообщали, что Брюссель собирается ввести запрет на продажу

⁷⁹ *Cameron D.* Op. cit., p. 658.

⁸⁰ *The Times*, 2.V.2019.

⁸¹ *Clarke H. D., Goodwin M., Whiteley P.* Brexit. Why Britain Voted to Leave the European Union. Cambridge, 2017, p.6-17.

⁸² *Churchill W. S.* The United States of Europe // *The Saturday Evening Post*, 15.II.1930.

⁸³ *Prince R.* Op. cit., p. 326.

⁸⁴ Цит. по: *Oliver C.* Op. cit., p. 235.

⁸⁵ *Bennett O.* The Brexit Club. The Inside Story of the Leave Campaign's Shock Victory. London, 2016, p. 237.

⁸⁶ *Webster Ph.* Op. cit., p. 25.

⁸⁷ *Oliver C.* Op. cit., p. 84; *Cameron D.* Op. cit., p. 654.

искривленных и мелких бананов, британского батона, бульдогов, на ношение шотландских килтов, критику Европы, на карри, вождение грузовиков людьми в очках. Что Британию объединят в одну страну с Францией, что британским солдатам будут отдавать команды по-французски, заставят участвовать в создании европейской армии, что над Даунинг-стрит, 10 повесят флаг ЕС, повсеместно установят бюсты председателя Европейской комиссии, что правительство ведет тайные переговоры с Турцией о предоставлении виз миллиону турок, а также многое другое⁸⁸. Все это не могло не разогреть евроскептические настроения в стране, пока идея выхода из союза под влиянием ежедневно извергаемой на нее откровенной «чепухи и бреда»⁸⁹, как выразился Жан-Клод Юнкер, окончательно не овладела массами.

Команда Кэмерона все отчетливее осознавала, что ему скорее всего придется сложить свои полномочия. Пресс-секретарь премьера назвал это «стадией пожара Москвы», после чего наступил исход французов из России⁹⁰. Однако сам премьер-министр, вопреки очевидному, верил, что все еще может выправиться, тем более что большинство опросов общественного мнения говорило все-таки в пользу противников Брекзита, но с очень небольшим перевесом.

Итоги референдума произвели эффект грома среди ясного неба: около 52% проголосовало за выход. Борису и его команде удалось убедить прийти и проголосовать за Брекзит тех, кто раньше вообще никогда не голосовал. Таким образом, «схватка между экономикой и иммиграцией»⁹¹ (именно этот вопрос, значение которого недооценили власти, стал главным в ходе кампании за выход из ЕС) — закончилась в пользу последней. Такого не ожидали даже лидеры брекзитеров. Так, после закрытия участков для голосования лидер ПНСК Н. Фэраж поспешил заявить: «Это была исключительная кампания с небывало высокой явкой (72%. — Н. К.), но, похоже, побеждают сторонники «Остаться»»⁹². Не рассчитывали на победу, «не хотели» ее и Джонсон с Гоувом⁹³, что было видно по их растерянным лицам после объявления итогов референдума. Борис даже не смог заставить себя выйти к журналистам. Многие полагают, что его в полной мере устроила бы победа противоположной команды, но с небольшим перевесом — это позволило бы ему заработать имидж принципиального и последовательного политика. Незадачливый тандем напоминал азартных участников аукциона, которые безрассудно повышали ставки на выставленную вазу, не ожидая, что им-то она и достанется⁹⁴. Кто знает — вполне возможно, осознание огромной личной ответственности за то, что произошло, и за будущее «отправившейся в путешествие в неизвестном направлении» страны⁹⁵ — ведь именно ему теперь придется «разгрести» эту ситуацию, — заставило Бориса пожалеть о сделанном выборе.

Далее события развивались стремительно: уже на следующий день допустивший роковой просчет премьер, кампания которого представляла собой «умопомрачительное сочетание самонадеянности и некомпетентности»⁹⁶, подал в отставку. Его естественным преемником видели харизматичного архитектора Брекзита, имевшего поддержку по крайней мере 100 членов фракции тори. Его команда уже подбирала людей в будущее

⁸⁸ *MacShane D.* Op. cit., p. 170-172.

⁸⁹ *The Evening Standard*, 25.X.2019.

⁹⁰ *Oliver C.* Op. cit., p. 324.

⁹¹ *Ibid.*, p. 283.

⁹² Цит. по: *Prince R.* Op. cit., p. 329.

⁹³ *Webster Ph.* Op. cit., p. 27.

⁹⁴ *Oliver C.* Op. cit., p. 376.

⁹⁵ *Reynolds D.* Op. cit., p. 251.

⁹⁶ *Reynolds D.* *Twilight of the postwar era.* — <http://www.newstateman.com/politics/elections/2017/05/twilight-postwar-era> (дата обращения 10.04.2019).

правительство (Терезе Мэй собирались предложить пост канцлера казначейства). В Брюсселе появление Джонсона на посту премьер-министра считали кошмаром, представляя себе «"Большую Семёрку" в составе Трампа, Ле Пен, Бориса Джонсона, Бeppe Грillo»⁹⁷. Однако в последний момент перед его официальным выдвижением невероятным образом повел себя руководитель кампании Бориса, его сподвижник М. Гоув, обвинивший своего недавнего шефа и друга в отсутствии лидерских качеств, неспособности объединить расколотые партию и страну и выдвинувший вместо него свою кандидатуру. Даже для «имеющей давнюю традицию политических убийств» Консервативной партии⁹⁸ это было слишком. Потрясенный этим «актом самого чудовищного предательства»⁹⁹ со стороны министра юстиции, а также перебежавшей к нему части своей команды, Борис спасовал, отказавшись выдвигаться. В свою очередь, неожиданная реакция без пяти минут лидера партии удивила многих его сторонников, невольно подтверждающая обвинение Гоува. Ее сравнили с решением генерала покинуть после начала сражения поле боя из-за заявления адъютанта, который усомнился в способности начальника командовать¹⁰⁰. Итогом скоротечной предвыборной кампании стало избрание новым лидером тори и премьер-министром Терезы Мэй.

ВО ГЛАВЕ ФОРИН ОФИС

К удивлению тех, кто полагал, что упустивший свой «звездный час» Джонсон не сможет подняться выше уровня министра культуры, а также к огромному удивлению самого Бориса, он получил один из самых престижных постов – главы Форин офис, хотя в новой структуре правительства внешнеполитическое ведомство не играло главной роли, а «три брекзитера» – Б. Джонсон, Д. Дэвис (министр по делам Брекзита) и Л. Фокс (министр по делам международной торговли) – выступали на равных. При этом роль главного переговорщика по ключевым вопросам мировой политики, включая Брекзит, взяла на себя Тереза Мэй. Что касается Гоува, то пуля от его выстрела в Бориса рикошетом попала в него самого¹⁰¹: предатель был изгнан из правительства, причем Мэй постаралась, чтобы эта процедура была для него достаточно унижительной (несостоявшемуся лидеру четко объяснили, за что его выгоняют).

Назначение Джонсона главой Форин офис – «самое глупое после того, как Калигула сделал своего коня сенатором»¹⁰² – трудно было объяснить, ведь к тому времени (а потом и в новой должности) он ухитрился оскорбить не только многих зарубежных лидеров, но и целые страны и народы. Так, он сравнил Хиллари Клинтон с садисткой-медсестрой в психбольнице, Трампа назвал «неподходящим» для поста президента США и сумасшедшим, с которым он боится случайно встретиться в Нью-Йорке, оттого туда и не едет, нелюбовь Б. Обамы к Британии объяснил его кенийскими корнями (намек на колониальное прошлое его предков); перед референдумом сравнил цели ЕС с целями Гитлера¹⁰³, а жителей Папуа-Новой Гвинеи обозвал канныбалами. Для главы внешнеполитического ведомства его клоунада на грани (а тем более за гранью) флага была совсем неуместна, например замечание, что ливийский Сирт вполне может стать туристическим местом, надо только убрать с пляжей трупы. Еще одним скандальным заявлением Джонсона было предложение сделать для греков точную копию «Мраморов Элгина»

⁹⁷ The Sunday Times, 26.V.2019.

⁹⁸ Prince R. Op. cit., p. 337.

⁹⁹ Gimson A. Op. cit., p. XXXIX.

¹⁰⁰ Blackburn V. Theresa May. The Downing Street Revolution. London, 2016, p. 14.

¹⁰¹ Shipman T. Fall Out. A Year of Political Mayhem. London, 2017, p. XXIV.

¹⁰² Gimson A. Op. cit., p. LII.

¹⁰³ The Daily Telegraph, 15.V.2016.

(скульптур и фризов, снятых англичанами с Парфенона и вывезенных в XIX в. в Англию), чтобы они, греки, наконец-то, успокоились¹⁰⁴.

Критики Джонсона считали эти ляпы вовсе не ляпами, а сознательной популистской тактикой в духе Трампа. Когда Борис баллотировался в 2019 г. на пост лидера партии, ему также припомнили его ранние расистские заявления: «пыхтящие кули» (так называли китайских рабочих), «негритята» (Борис объяснил любовь королевы Елизаветы к Содружеству тем, что оно обеспечивает ее приветственными толпами негритят)¹⁰⁵, а также оскорбительные высказывания в адрес одиноких матерей с их «дурно воспитанными, невежественными, агрессивными и незаконными детьми» и рабочих, которых он назвал «пьяницами, преступниками, бесцельными, безответственными и безнадежными»¹⁰⁶.

Осведомленные лица оправдывали назначение Джонсона желанием Мэй встряхнуть министерство, произведя переоценку нуждавшейся в новых идеях внешней политики. Теперь Борису предстояло регулярно бывать в тех европейских учреждениях, которые он методично высмеивал. Были и такие, кто надеялся, что глава Форин офис быстро дискредитирует себя на новом поприще, перестав представлять опасность для партийного руководства.

В Брюсселе появления «циничного популиста»¹⁰⁷, «британского Трампа», намеренного уничтожить Евросоюз, ожидали с ужасом, пытаясь угадать, какую маску он на себя наденет – клоуна, манипулятора, мастера оскорблений или серьезного и ответственного политика. Вопреки ожиданиям, Борис произвел хорошее впечатление – он постригся, приделся и говорил на *franglais* (смеси английского с французским), что было приятным разнообразием в сравнении с его предшественниками. Поначалу он был на удивление сдержан, но очень скоро натура Джонсона взяла свое и он стал невольным или намеренно оскорблять своих европейских коллег. Так, в частности, он пригрозил итальянскому министру экономического развития прекратить импорт «Просекко» в Британию в случае, если Рим не поддержит устраивающее Лондон торговое соглашение¹⁰⁸. Он позволял себе публично критиковать британских союзников, например Саудовскую Аравию. По словам коллег, Джонсон приходил на заседания кабинета «слабо подготовленным», не с теми бумагами, бывало говорил невпопад. Как отмечала «Дэйли Мэйл», ничто так не дискредитировало Британию (помимо Брекзита), как деятельность Бориса на посту министра иностранных дел¹⁰⁹. Он действовал в духе Трампа – никогда не уступал и не извинялся¹¹⁰.

Джонсону удалось восстановить отношения с США, у которых после смены администрации проявилась склонность задвинуть Британию на периферию – именно так расценили в Лондоне то, что Мэй стала только десятым по счету зарубежным лидером, которому позвонил новый президент. Как ни странно, Трамп великодушно простил Борису его предыдущие нелюбезные заявления, поддержал Брекзит, осудил известное высказывание Обамы о том, что Британия, проголосовав за выход из ЕС, окажется в конце очереди на подписание с США торгового соглашения, и выразил готовность содействовать его быстрейшему заключению. Тереза Мэй стала первым зарубежным лидером, посетившим Вашингтон после смены администрации.

Политика в отношении России, напротив, еще больше ухудшилась, несмотря на визит в Москву, совершенный Борисом в декабре 2017 г., первый за пять лет официальный визит главы Форин офис в Россию. На переговорах с министром иностранных дел С. Лавровым,

¹⁰⁴ Purnell S. Op. cit., p. 296, 244.

¹⁰⁵ Ibid., p. 169.

¹⁰⁶ The Independent, 1.XII. 2019.

¹⁰⁷ The Sunday Times, 26.V.2019.

¹⁰⁸ Shipman T. Op. cit., p. 72.

¹⁰⁹ The Daily Mail, 25.V.2018.

¹¹⁰ The Guardian, 29.IX.2019.

полных шуточных диалогов, Джонсон вспоминал о своих российских корнях, называя себя убежденным русофилом. Благожелательная атмосфера визита, однако, не повлияла на англо-российские отношения, находившиеся на очень низкой отметке. Что неудивительно, так как в своем стремлении бежать впереди американского паровоза Джонсон успел обвинить Россию и лично Путина за кризис на Украине, сбитый малайзийский Боинг, убийство Литвиненко, присоединение Крыма, использование химического оружия в Сирии, а также за отравление Скрипалей. Стоявшая на пороге выхода из ЕС Британия требовала на саммитах союза ужесточения санкций против России, призывала бойкотировать чемпионат мира по футболу. Благодаря развернутой кампании, Лондону удалось существенно поднять градус противостояния между Западом и Россией.

В своих антироссийских высказываниях, призывах противостоять Москве Борис не был оригинален. Он лишь озвучил консолидированную позицию практически всей британской политической элиты. Но призыв главы Форин офис к британцам пикетировать российское посольство в Лондоне в знак протеста против политики Москвы в Сирии поистине стал новшеством в дипломатической практике. Раздувая антироссийскую истерию, Джонсон использовал прием «дохлой кошки», пытаясь таким образом отвлечь внимание соотечественников от неблагоприятно складывавшихся для страны переговоров в Брюсселе. Был также расчет на то, что в обстановке консолидации Запада перед российской угрозой ЕС с большей готовностью пойдет навстречу Лондону по условиям «развода». Отсюда и размах кампании, которая по мере усиления противоречий на переговорах с ЕС все больше напоминала паранойю. Однако эти надежды не оправдались: Брюссель жестко противостоял Британии, которой пришлось идти на уступки. Да и изолировать Россию не удалось.

Что до Бориса, то он продолжал оскорблять не только зарубежных, но и британских политиков, даже премьер-министра, сравнив Терезу Мэй с «поясом смертника, надетым на британскую конституцию»¹¹¹. Досталось от него и Тони Блэру, который выступил за проведение повторного референдума по вопросу ЕС, так как, проголосовав за Брекзит, народ якобы не осознавал его неизбежных тяжелых последствий: в ответ Джонсон призвал британцев выключать телевизор всякий раз, когда на экране появляется бывший премьер. Лидера лейбористов Джереми Корбина он обозвал «старым партийным остолопом»¹¹².

Джонсон фактически провалился на посту министра иностранных дел. Летом 2018 г. он и министр по делам Брекзита Дэвис, а также еще три чиновника подали в отставку в знак несогласия с планом Терезы Мэй по выходу из Евросоюза. Этот кризис, превративший премьера в «хромую утку», назвали одним из самых крупных за все время ее правления. Отставников не устроил отказ Мэй от обвального Брекзита, о чем говорило сохранение в тексте предложенного ею соглашения пунктов о «гармонизации» с правилами ЕС, о подчинении Лондона европейскому законодательству. Они восприняли документ как попытку выхолостить сам смысл Брекзита. Заявив, что больше не может идти на компромиссы, Дэвис обвинил премьер-министра в том, что она «отдала слишком много и слишком легко», а Борис в письме Терезе Мэй, сочинение которого он по обыкновению обставил весьма театрально, отметил, что ее соглашение превратит Британию в вассальное государство¹¹³.

В ЕС восприняли эти события однозначно: уход «мины замедленного действия» (Джонсона), а также нескончаемая министерская чехарда свидетельствовали о том, что время Мэй стремительно истекает. В Форин офис не скрывали радости от отставки весьма далекого от дипломатии Бориса, промахи и ляпы которого стали притчей во

¹¹¹ The Daily Mail, 25.V.2019.

¹¹² Shipman T. Op. cit., p. 327.

¹¹³ The Independent, 21.V.2019.

языщех. Аналогичным образом отнеслись к этому событию и в Москве, для которой уход идеолога бойкота чемпионата мира по футболу в России, создателя антироссийского альянса в связи с «делом Скрипалей» был встречен с облегчением.

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС БОРИСА ДЖОНСОНА

Хотя некоторые оппоненты Бориса поспешили поставить крест на его карьере, другие понимали, что скорее всего он решил соскочить с несущегося к столкновению поезда, чтобы собрать силы для решающего броска, который был не за горами. Утратив в результате внеочередных выборов 2017 г. абсолютное большинство в Палате общин, Мэй никак не могла добиться одобрения соглашения о «разводе» с ЕС, подписанного в ноябре 2018 г. Со свойственным ей упорством она продолжала биться головой о стену, которая состояла из оппозиции и существенной части консервативной фракции, лишь продлевая свою агонию. В этой битве Борис не был сторонним наблюдателем, он продолжал маневрировать, совершив очередной разворот – в сторону поддержки соглашения Мэй, из-за которого он ушел в отставку (причина, очевидно, состояла в том, что Мэй обещала сложить полномочия после его одобрения палатой). Это дало повод оппонентам еще раз привлечь внимание к его беспринципности, сравнив Джонсона с известным британским премьером начала XX в. Ллойд Джорджем, про которого говорили, что ему все равно, в какую сторону ехать, главное – быть за рулем¹¹⁴.

Бесславное трехлетнее правление Терезы Мэй подвергло консервативную партию серьезному испытанию. Неспособность сплотить членов кабинета и правительства, отстаивать интересы страны на переговорах с Брюсселем, постоянные метания из стороны в сторону, шантаж как в отношении ЕС, так и британского парламента, бессмысленное упорство в стремлении протащить провальное соглашение – все это нанесло серьезный ущерб репутации тори, а саму Мэй сделало посмешищем. На ее счету было два «рекорда» – по количеству отставок членов правительства за два последних года правления (36) и по масштабу разгрома правительственного соглашения в парламенте за всю его историю (15 января 2019 г. Соглашение с ЕС было провалено небывалым большинством в 230 голосов). В итоге премьер-министр оказалась в тупиковой ситуации: любой ее шаг в ту или иную сторону вызывал просто термоядерную реакцию со стороны оппонентов в партии – как жестких евроскептиков, выступающих за обвальный Брекзит, так и его противников, блокировавшихся с оппозицией. Последним мощным ударом по правительству стала отставка лидера Палаты общин А. Ледсом, запустившей механизм ухода самой Терезы Мэй. Требования сложения ею полномочий лидера партии и премьера открыто прозвучали со стороны членов кабинета. Как выразился известный тори Т. Тугенхэт, «стало очевидным, что гора слишком высока для этого путешественника»¹¹⁵. Однако отчаянно цеплявшаяся за власть Мэй лишь после устроенной однопартийцами показательной обструкции в парламенте окончательно осознала, что ее время безвозвратно ушло: ее выступление в Палате общин 22 мая проходило в полупустом зале, при этом пустовали не столько ряды оппозиции, сколько правящей партии, хотя обычно в час вопросов и ответов премьера членам палаты приходится стоять в проходах из-за нехватки сидячих мест. 24 мая «тотально неэффективный лидер»¹¹⁶, наконец, объявила о своем уходе, став четвертым премьером-тори (после Тэтчер, Мэйджора и Кэмерона), «сломавшим себе шею» на Европе.

Вот и наступил звездный час Бориса Джонсона, к которому он шел долгие 18 лет. Состояние консервативной партии было незавидным – глубочайший раскол и проблема

¹¹⁴ The Guardian, 21.VI.2019.

¹¹⁵ The Daily Mail, 23.V.2019.

¹¹⁶ Reynolds D. Island Stories..., p. 108.

выживания партии как таковой. Сокрушительный провал тори на майских выборах в Европарламент¹¹⁷ говорил о том, что медлить с выходом из ЕС недопустимо. Но кому следовало возглавить партию – евроскептику или стороннику мягкого Брексита? Кто мог выполнить волю народа, выраженную на референдуме?

Развернувшаяся предвыборная кампания была небывалой по количеству кандидатов на пост лидера партии – 10 претендентов. Четверо кандидатов, включая Джонсона, отражали настроения в партии – за выход из ЕС без промедления, то есть обвальный. К ним примыкали еще трое, а трое оставшихся были сторонниками мягкого Брексита. Уже в первом туре, как и ожидалось, Борис стал беспспорным фаворитом, вырвавшись далеко вперед, а дальше отрыв еще более увеличился. Его кампанией вновь руководил Линтон Кросби. На этот раз он потребовал, чтобы Джонсон свел свое общение со СМИ до минимума, не появлялся на телевидении, чтобы не ляннуть в дебатах что-то необдуманное, что могло бы ему навредить. Аналогично многим своим предшественникам, ради поддержки со стороны центристов, Борис притворялся либералом, приверженцем идеи «одной нации» (ликвидации в стране неравенства), хотя его публикации в «Спектейторе» и «Телеграф» говорили совсем о других взглядах. Ему удалось заручиться поддержкой представителей бизнеса, который относился к Джонсону как к человеку непредсказуемому – с осторожностью (особенно после нецензурных высказываний главы Форин офис в адрес бизнесменов).

Многочисленные сторонники Джонсона полагали, что только «пиратствующий брекзитер»¹¹⁸, известный своим напором и решительностью и имеющий образ победителя, сможет выполнить волю народа – вывести страну из Евросоюза, только Борис «*can save togies*» (может спасти тори), только ему под силу вернуть голоса, ушедшие к Партии Брексита. К тому же он являлся самым неудобным спарринг-партнером для лидера лейбористов Корбина. Как подчеркивал колумнист «Гардиан» С. Дженкинс, «избирателей притягивает персонаж, который не воспринимает жизнь слишком серьезно», «кто выступает непосредственно и обладает эксцентричной непредсказуемостью. Люди любят смеяться над политиками, а Джонсон кажется очень живым. Его предпочитают роботам (типа Мэй)... Оружие Джонсона – шарм. Его с успехом использовали Р. Рейган, Б. Клинтон, теперь В. Зеленский»¹¹⁹. Как бы то ни было, британцы поверили обещанию Бориса сделать политику «более радостной»¹²⁰.

Противники Джонсона предрекали, что тори сами себя накажут, избрав этого беспринципного шоумена, способного лишь развлекать: в итоге умеренные члены партии уйдут к либерал-демократам, а радикалы – под крыло Фэража к популистам¹²¹. Сомнения относительно способности Бориса управлять страной испытывали многие британцы. Согласно опросу, проведенному газетой «Таймс», лишь 28% избирателей считали, что он станет хорошим премьер-министром¹²². В то же время его моральный облик – внебрачные связи и развод со второй женой – практически не волновал более 80% однопартийцев и более 70% лейбористов¹²³.

Помимо Брексита программа Джонсона включала в себя реформирование государственной машины, развитие инфраструктуры, увеличение расходов на полицию для борьбы с уличной преступностью, введение преференций для высококвалифицированных мигрантов по примеру Австралии, снижение налогов на тех, кто хорошо зарабатывает

¹¹⁷ Они (с четырьмя мандатами) заняли лишь пятое место, уступив Партии Брексита, либерал-демократам, лейбористам и зеленым.

¹¹⁸ The Spectator, 18.V. 019, p. 12.

¹¹⁹ The Guardian, 13.VI.2019.

¹²⁰ The Evening Standard, 20.VI.2019.

¹²¹ The Guardian, 20.V.2019.

¹²² The Times, 21.V.2019.

¹²³ The Daily Mail, 25.V.2019.

(по мнению экспертов, от этого выиграют 10% самых богатых, а бюджет потеряет по меньшей мере 9 млрд ф. ст.¹²⁴), преподавание в школах ЛГБТ-предметов.

Как и ожидалось, одержав убедительную победу в последнем туре 24 июля 2019 г., новым лидером тори и премьер-министром страны стал эпатажный архитектор Брекзита Борис Джонсон. Его поддержало 66% членов партии (34% проголосовали за главу Форин офис Дж. Ханта)¹²⁵. Находившийся в процессе развода, он въехал на Даунинг-стрит, 10 с новой подругой – политтехнологом Кэрри Симондс, которая была моложе его на 24 года. Это она заставила Бориса похудеть и отказаться от вина: раньше, подобно Черчиллю, он использовал выпивку как горючее, помогавшее быстрее сочинять¹²⁶.

Джонсон поднялся на высшую ступеньку власти в самый неблагоприятный момент – в условиях глубочайшего политического кризиса, межпартийного и внутрипартийного раскола, противостояния Лондона и Брюсселя, правительства и парламента, неспособных договориться о варианте выхода из Евросоюза. Уже в ходе своего первого часа вопросов и ответов в парламенте (отведенное на это время продлили с обычных 30 минут до двух с половиной часов) он подтвердил свою решимость выполнить волю народа. Понимая, что в интересах партии – выйти из ЕС как можно скорее, он обещал осуществить Брекзит 31 октября (официальная дата выхода после продления) «с договором или без договора». Со свойственной ему дерзостью Борис рисовал яркую картину будущего процветания страны («сделаем Британию лучшим местом на Земле») в результате объединения с Канадой, Мексикой и США в зону свободной торговли, которая станет мощной альтернативой Евросоюзу, противопоставив его зарегулированной экономике зону низких налогов и передовых технологий, превратив Британию в «безопасную гавань» для дезинтегрирующей Европы. Он был не единственным политиком, кто обещал британцам райские куши: до него «неоимперский проект», концепцию «глобальной Британии» продвигали Д. Кэмерон и Т. Мэй, да и сам Борис 2 декабря 2016 г. в программном выступлении в Королевском институте международных отношений¹²⁷.

Главной задачей нового премьер-министра стало осуществление того, с чем не смог справиться его предшественница. Ради этого он был готов пойти на роспуск стоящего на пути обвального Брекзита парламента, правящее большинство в котором очень быстро сократилось до одного голоса. Вместе с тем недовольство другой части расколотого общества заставило его маневрировать, обещая «управляемый Брекзит» и сохраняя при этом возможность «обвального» в качестве средства давления на Брюссель. В свою очередь радикалы предупредили Бориса, что в случае протаскивания мягкого Брекзита его постигнет судьба Терезы Мэй, только гораздо быстрее.

По отношению к Брюсселю, отказывавшемуся пересматривать соглашение о «разводе», Джонсон применял прежнюю тактику шантажа: угрожал не платить «отступные» (около 33 млрд ф. ст.). Дело продвигалось без особого успеха, что лишь усилило подозрения в использовании им консультаций с европейскими партнерами в качестве дымовой завесы для подготовки к «обвальному Брекзиту».

Между тем хитроумная попытка Бориса убрать с дороги непокорный парламент при помощи его роспуска неожиданно провалилась: Верховный Суд, куда обратились оппоненты премьера, признал это решение незаконным. Ну что ж, это был вызов главе правительства, по существу установление в стране двоевластия. Воодушевленная успехом оппозиция уже стала обсуждать вопрос об импичменте. Уровень конфронтации между парламентом и кабинетом зашкаливал. Да и в самой консервативной фракции углубление раскола привело к исключению из нее 21 депутата. Впоследствии 10 из них, включая

¹²⁴ The Mirror, 8.VI.2019.

¹²⁵ В голосовании участвовало 87% всех тори.

¹²⁶ *Wright B.* Order, Order! The Rise and Fall of Political Drinking. London, 2017, p. 134.

¹²⁷ *Johnson B.* Beyond Brexit: a Global Britain. – www.gov.uk (дата обращения 30.12.2019).

внука Черчилля К. Соумса, были восстановлены. В итоге, вопреки надеждам решить вопрос с Брекзитом кавалерийским наскоком, Борис утратил символическое консервативное большинство, поставив правительство в полную зависимость от доброй воли депутатов от других партий.

Главным требованием Джонсона на переговорах с Брюсселем был отказ от так называемой «страховки», касавшейся межирландской границы. В противном случае он угрожал обвальным Брекзитом, которого европейские партнеры все же стремились избежать. Расчет Бориса на то, что в последний момент Брюссель дрогнет, отчасти оправдался, и 17 октября стороны объявили о готовности слегка подкорректированного соглашения о «разводе». Его главное отличие от предыдущего заключалось в том, что в первом варианте в сфере влияния ЕС (в его таможенном режиме) оставалось все Соединенное Королевство, при этом без права голоса и возможности заключать торговые договоры со странами по всему миру, а во втором — лишь Северная Ирландия. Достижение договоренности стало возможным после смягчения позиции Германии, а также благодаря двусторонним переговорам Джонсона с премьер-министром Ирландской Республики Л. Варадкаром.

Вместе с тем намерение Бориса провести соглашение в парламенте «по-быстрому», за три дня¹²⁸, провалилось, после чего уязвленный неудачей с блицкригом, оказавшийся в положении не лучше своей предшественницы, он поставил законопроект «на паузу». Напротив, парламент навязал ему свою волю, законодательно запретив обвальным Брекзитом, а также обязав просить о новой отсрочке выхода из ЕС. При этом предложение Джонсона о проведении внеочередных выборов, которые изначально являлись единственным разумным средством преодоления политического тупика и двоевластия, было палатой дважды отклонено. Повозмущавшись, Борис вынужден был подчиниться, сделал это в своей оригинальной манере: он направил в Брюссель не одно, а два письма — от парламента с просьбой перенести дату выхода Британии из ЕС и от себя лично, в котором выразил свое несогласие с новой отсрочкой. В итоге она все же была предоставлена — до 31 января 2020 г.

Эта череда драматических событий, которые лишь усиливали хаос в стране, превращая Брекзит в «нескончаемую историю ужасов», завершилась согласием оппозиции на проведение внеочередных всеобщих выборов. Они состоялись 12 декабря 2019 г. Став плебисцитом по вопросу Брекзита, выборы продемонстрировали, что, несмотря на сокрушительные поражения в парламенте, правящая Консервативная партия пользуется твердой поддержкой избирателей, а ряды брекзитеров не только не поредели, а, напротив, возросли. Победу консерваторов предсказывали, но ее масштаб стал неожиданным: тори получили большинство в 80 мест. Такого не было со времен Тэтчер.

Эта победа стала триумфом Бориса Джонсона — «неизбираемого», «некомпетентного», «плохо информированного», «воинствующего» и «заурядного шарлатана» (это еще самые мягкие его характеристики в британских и зарубежных СМИ), который стал дважды премьер-министром Великобритании. А ведь еще месяц назад казалось, что его правление будет рекордным по своей краткости, составив не более полугода. Он уже выполнил два из трех своих главных обещаний: одержал победу над лейбористами, а также вывел страну из Евросоюза — это оказавшееся далеко не простым долгожданное историческое событие состоялось, наконец, 31 января 2020 г. Оставим потомкам судить о правильности такого решения, изменившего ход британской истории. Джонсону надо выполнить еще одно, может быть самое сложное — предотвратить распад Соединенного Королевства, который, учитывая позицию сопротивляющейся Брекзиту Шотландии, не кажется таким уж невероятным. Вместе с тем борьба с коронавирусом и преодоление последствий мирового экономического кризиса, вызванного пандемией, временно отодвинули проблему заключения выгодного для страны торгового соглашения с Евросоюзом, собственное будущее

¹²⁸ Для сравнения: ратификация Маастрихтского договора потребовала года обсуждений и 70 голосований.

которого пока выглядит туманно, на второй план. В сложившихся обстоятельствах заманчивая перспектива превращения Британии в «Сингапур на Темзе», которую архитектор Брексита активно продвигал на протяжении последних лет, не кажется легкодостижимой.

Библиография

- Джонсон Б.* Фактор Черчилля. Как один человек изменил историю. М., 2015.
Bennett O. The Brexit Club. The Inside Story of the Leave Campaign's Shock Victory. London, 2016.
Berens J. Being Boris Johnson // Tatler, 21.XI.2019.
Blackburn V. Theresa May. The Downing Street Revolution. London, 2016.
Cameron D. For the Record. London, 2019.
Charter D. Au Revoir, Europe. What if Britain left the EU? London, 2012.
Churchill W. S. The United States of Europe // The Saturday Evening Post, 15.II.1930.
Clarke H. D., Goodwin M., Whiteley P. Brexit. Why Britain Voted to Leave the European Union. Cambridge, 2017.
D'Ancona M. In It Together. The Inside Story of the Coalition Government. London, 2013.
Gimson A. Boris. The Adventures of Boris Johnson. London, 2016.
Johnson B. Beyond Brexit: a Global Britain. — www.gov.uk (дата обращения 30.12.2019).
MacShane D. Brexit. How Britain Will Leave Europe. London, 2015.
Oliver C. Unleashing Demons. The Inside Story of Brexit. London, 2017.
Prime Minister Boris and Other Things That Never Happened. Ed. by D. Brack & I. Dale London, 2011.
Prince R. Theresa May. The Enigmatic Prime Minister. London, 2017.
Purnell S. Just Boris. A Tale of Blond Ambition. London, 2012.
Reynolds D. Island Stories. Britain and Its History in the Age of Brexit. London, 2019.
Reynolds D. Twilight of the postwar era. —<http://www.newstateman.com/politics/elections/2017/05/twilight-postwar-era> (дата обращения 10.04.2019).
Seldon A., Snowden P. Cameron at 10. The Inside Story, 2010–2015. London, 2015.
Shipman T. Fall Out. A Year of Political Mayhem. London, 2017.
Webster Ph. Inside Story. Politics, Intrigue and Treachery from Thatcher to Brexit. London, 2016.
Wright B. Order, Order! The Rise and Fall of Political Drinking. London, 2017.

References

- Dzhonson B.* Faktor Cherkillya. Kak odin chelovek izmenil istoriyu. Per. s angl. [Churchill Factor. How one man made history. Translation from English]. Moskva, 2015. (In Russ.)
Bennett O. The Brexit Club. The Inside Story of the Leave Campaign's Shock Victory. London, 2016.
Berens J. Being Boris Johnson // Tatler, 21.XI.2019.
Blackburn V. Theresa May. The Downing Street Revolution. London, 2016.
Cameron D. For the Record. London, 2019.
Charter D. Au Revoir, Europe. What if Britain left the EU? London, 2012.
Churchill W. S. The United States of Europe // The Saturday Evening Post, 15.II.1930.
Clarke H. D., Goodwin M., Whiteley P. Brexit. Why Britain Voted to Leave the European Union. Cambridge, 2017.
D'Ancona M. In It Together. The Inside Story of the Coalition Government. London, 2013.
Gimson A. Boris. The Adventures of Boris Johnson. London, 2016.
Johnson B. Beyond Brexit: a Global Britain. — www.gov.uk (access date 30.12.2019).
MacShane D. Brexit. How Britain Will Leave Europe. London, 2015.
Oliver C. Unleashing Demons. The Inside Story of Brexit. London, 2017.
Prime Minister Boris and Other Things That Never Happened. Ed. by D. Brack & I. Dale London, 2011.
Prince R. Theresa May. The Enigmatic Prime Minister. London, 2017.
Purnell S. Just Boris. A Tale of Blond Ambition. London, 2012.
Reynolds D. Island Stories. Britain and Its History in the Age of Brexit. London, 2019.
Reynolds D. Twilight of the postwar era. —<http://www.newstateman.com/politics/elections/2017/05/twilight-postwar-era> (access date 10.04.2019).
Seldon A., Snowden P. Cameron at 10. The Inside Story, 2010–2015. London, 2015.
Shipman T. Fall Out. A Year of Political Mayhem. London, 2017.
Webster Ph. Inside Story. Politics, Intrigue and Treachery from Thatcher to Brexit. London, 2016.
Wright B. Order, Order! The Rise and Fall of Political Drinking. London, 2017.